

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

„Мои воспоминанія“ М. Леонтьева представляютъ несомнѣнный интересъ, какъ по событіямъ, какія въ нихъ описываются, такъ и по личности самого автора. Судя по собственнымъ признаніямъ, онъ, воспитанный съ дѣтства среди благодатной природы Тульской губерніи, чуть не съ отрочества поступилъ на военную службу, какъ дѣлали многіе дворяне конца XVIII вѣка, а затѣмъ, произведенный въ офицеры, послѣ длиннаго ряда походовъ начала XIX столѣтія, запечатлѣвшій раною свое участіе въ сраженіяхъ, вышелъ съ пенсіею въ отставку и жилъ, какъ трудолюбивый хозяинъ-помѣщикъ, въ своемъ родовомъ имѣніи. Здѣсь-то, на досугѣ отъ сельско-хозяйственныхъ заботъ, прежній служака, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка, принялся за составленіе своихъ любопытныхъ „Воспоминаній“: въ трехъ компактныхъ книжкахъ, облаченныхъ въ старинный переплетъ, на жесткой пожелтѣвшей бумагѣ, при помощи гусиного пера, онъ характернымъ почеркомъ, похожимъ на древнюю скоропись, описалъ уцѣлѣвшія въ его памяти „дѣла минувшихъ дней“. Какъ близкій очевидецъ, авторъ ярко изобразилъ эпоху Павла I; какъ живой и храбрый участникъ во многихъ сраженіяхъ, сообщилъ всрещицу новыхъ свѣдѣній о битвахъ съ французами и о походѣ въ Финляндію, а какъ наблюдательный современникъ почти четырехъ десятилѣтій минувшаго столѣтія, сохранилъ въ своихъ разсказахъ характерныя черты изъ тогдашней общественной жизни Россіи и быта русскихъ дворянъ-помѣщиковъ. Наконецъ, остается прибавить, что М. Леонтьевъ былъ роднымъ отцомъ Павла Михайловича Леонтьева, извѣстнаго профессора-классика въ Московскомъ Университетѣ и одного изъ главныхъ основателей Императорскаго Лицея Цесаревича Николая. Поэтому читатели „Записокъ“ встрѣтятъ рядъ новыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ и первоначальномъ воспитаніи П. М. Леонтьева, какія значительно дополняютъ его автобіографію, помѣщенную въ „Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета“ (М. 1855 г., т. I, стр. 453—454).

Д.

Часть I-я.

Начато писать 1827 года, декабря 1-го въ сельцѣ Красномъ
Михайломъ Леонтьевымъ.

Отецъ и мать оставили меня,
но Господь воспріялъ меня.

Глава I.

Сирота.

Къ приумноженію рода человѣческаго явился и я въ сей міръ въ городѣ Кіевѣ въ обильное время чудныхъ событій, 1785-го года Августа 13-го. Да не подумаетъ кто, что рожденіе мое, подобно другимъ, сопровождалось заботами и лелѣяньемъ, толико сроднымъ нѣжнымъ родителямъ; нѣтъ! Лишь я родился какъ и повезли меня въ самую глубокую осень съ юга на сѣверъ! Зачѣмъ?—такъ, ибо родители мои предпринимали путешествіе изъ Епифани въ Кіевъ предъ моимъ приходомъ въ міръ сей, для свиданія съ своимъ родственникомъ. Удивительно! неужели нельзя было прискаты на сіе способнѣйшаго времени?—видно нельзя было, но однако сіе забавное путешествіе стоило мнѣ четырехъ реберъ, которыя мнѣ переломили, вѣроятно, ухаживая за мною слишкомъ нѣжно. Эта поѣздка для меня памятна всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя были дѣйствующими во оной.—Каково то было мнѣ служить? каково и теперь иногда въ дурную погоду?—а все отъ излишней охоты ѣздить туда и сюда!—думая что, и я улыбался? Но—улыбка моя видно не такъ была восхитительна, какъ для меня улыбка дѣтей моихъ!—Но какъ бы то ни было а меня привезли во Есенокъ, деревню съ нами смежную, въ которой родители мои имѣли всегдашнее свое пребываніе. По общему ходу происшествій теперь бы слѣдовало заняться описаніемъ моего дѣтства, но какъ не всякому пріятно вспоминать тѣ дни, которые проводили мы съ наглыми и развратными дядьками, съ глупыми ребятами и тому подобными лицами, то и прошу меня отъ сего уволить! Но гдѣ же были наши родители? чѣмъ они занимались?—Государь мой! посмотрите на названіе сей главы—видите ли, что, имѣя отца и мать можно быть сиротою?—Избави Боже! скажетъ читатель, и я изъ глубины души повторяю то же.

О воспитаніи моемъ говорить нечего, съ сей только стороны родители мои не любили затѣй! Они просто учили меня грамотѣ, и больше ничему. Не знаю была ли тогда написана фонъ Визинымъ комедія „Недоросль“, но видно что и мой отецъ не любилъ дѣленія, хотя и былъ самъ математикъ, служа въ артиллеріи до майорскаго

чина.—Какъ тягостна бѣдность, быть можетъ, скажетъ читатель, въ отношеніи невозможности воспитать дѣтей; но мои родители сего сказать не могли, имѣя около 200 душъ съ прекрасными землями. Время текло, и я достигнулъ 12 лѣтняго возраста; отецъ мой съ жадностью дожидавшійся времени сбыть меня съ рукъ, обрадовался, узнавъ, что Павелъ I-й, вступя на престолъ Россіи 1796-го года 6-го Ноября, жаждалъ съ своей стороны погасить просвѣщеніе, десницами вѣнценосныхъ предковъ его въ отечествѣ нашемъ возженное. И такъ, не теряя времени, отецъ мой, взявъ меня, пустился въ Москву, куда Павелъ вскорѣ долженствовалъ прибыть для коронованія; прибывъ туда въ Апрѣль мѣсяцъ 1797-го года и упрятавъ, какъ говорится, меня въ службу, отецъ мой, давъ мнѣ рубль мѣди, пустился домой, оставя меня, въ совершенно бѣдственной бѣдности и среди людей для меня чуждыхъ.

Глава II.

Вступленіе въ службу.

Я вступилъ на службу на 12 году 1797-го года Апрѣля 17-го лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ солдатомъ, которымъ я обязанъ былъ выслужить три мѣсяца по тогдашнему уставу. Обмундировка моя была соотвѣстна моему толчку въ службу и служила видимымъ отпечаткомъ вѣжности моего родителя; т. е. мундира хуже моего въ цѣломъ полку не было, а шинель счелъ онъ вещь излишнею,—быть можетъ, и потому, что—я попаду же когда нибудь въ комплектъ, и тогда получу казенную. Влѣдствіе сихъ экономическихъ расчетовъ я терпѣлъ всю жестокость воздушныхъ перемѣнъ на продолжительномъ походѣ въ Петербургъ. Но какъ ни разсуждай, а я сталъ въ ряды воиновъ такихъ лѣтъ, въ которые только начинаютъ учиться дѣти у отцовъ своихъ.

Глава III.

Служба и встрѣча.

Прибывъ въ Петербургъ, я сначала скучалъ и плакалъ о своемъ одиночествѣ, но потомъ сталъ мало по малу привыкать къ своему положенію, и началъ учиться службѣ весьма тяжелой во времена грознаго Павла. Въ службѣ я нашелъ или, лучше, Господь мнѣ далъ покровителей, и во первыхъ тогдашняго Шефа нашего полка Наслѣдника Александра Павловича, который, замѣтя меня однажды зимою 1797-го года въ караульнѣ Зимняго дворца, потрепалъ меня по щекѣ и спросилъ, не озябъ ли я. И послѣ сей встрѣчи всегда интересовался мною, вѣроятно, по моей юности. Я старался одѣваться сколько можно лучше.

Устраняя всё препятствія къ сему отъ недостатка въ деньгахъ, я зато употреблялъ грубую пищу, а стоя въ караулѣ довольствовался 10 копѣчной сайкой въ сутки; бывало, стыдно ѣсть такую скудную пищу въ глазахъ богатыхъ товарищей, и для того я уходилъ или въ сѣни, или къ плацъ-формѣ и тамъ съѣдалъ обѣдъ свой.

Наслѣдникъ любилъ, чтобы хорошо одѣвались, будучи самъ щеголемъ, и я хотя былъ молодъ, но, видя сіе, старался исполнять волю его, за что онъ и благоволилъ ко мнѣ такъ, что на походѣ въ Гатчино, въ увеселительный дворецъ императора Павла I-го, въ 33 верстахъ отъ столицы отстоящій, замѣтя, одинъ разъ, что я усталъ очень, приказалъ мнѣ, по сродной ему благи, сѣсть на лафетъ пушки; это было лѣтомъ 1796-го года.

Въ семь году зимою я видѣлъ на вахтъ-парадахъ, которые бывали ежедневно, много знаменитыхъ людей, какъ напримѣръ графа Прованскаго, бывшаго послѣ королемъ Франціи, Людовика XVIII-го, принца Конде, и послѣдняго польскаго короля Станислава Августа.

Извѣстно, что Павелъ I-й былъ страстный любитель военной службы, былъ строгъ въ разсужденіи ошибокъ по фрунту и наказывалъ ихъ наравнѣ съ важнѣйшими преступленіями, и именно: арестомъ, крѣпостнымъ заключеніемъ, и выключкою изъ службы. Таковая немѣрная строгость, открывая частыя ваканціи, приближала и меня къ производству въ офицеры, что и послѣдовало въ октябрѣ 1799-го года. Получа сей чинъ по благи Божьей, и милостивому вниманію наслѣдника Александра Павловича, я употреблялъ всё свои силы, чтобы служить усердно; одѣвался по формѣ, зналъ службу, велъ себя тихо и повиновался безпрекословно своимъ начальникамъ. Слѣдствіемъ сего было то, что я только одинъ разъ заслужилъ отъ Павла I-го арестъ, и то безвинно, что видя, мой покровитель, великодушный нашъ Шефъ, упросилъ родителя своего въ первый веселый его часъ, и онъ простилъ меня, возвративъ мнѣ вскорѣ шпагу. Это было въ началѣ 1800 года на первый день Святой недѣли, когда я стоялъ въ караулѣ у Лѣтнаго сада.

Это было лучшее время моей жизни! Наслѣдникъ благоволилъ ко мнѣ часъ отъ часу больше, видя мое усердіе къ службѣ, которою онъ дорожилъ сверхъ собственной привязанности своей, и по строгости родителя своего императора Павла I-го, дѣлавшаго ему выговоры за

офицерскія ошибки. Не было встрѣчи моей съ симъ ангеломъ, когда бы онъ милостиво не сказалъ:

— „Здравствуй Леонтьевъ!“

Въ сіе время по рекомендательнымъ письмамъ моей матери сталъ я извѣстенъ и двумъ знаменитѣйшимъ дамамъ въ Петербургѣ: графинѣ (что нынѣ свѣтлѣйшая княгиня) Шарлотѣ Карловнѣ Ливенъ, тогдашней оберъ-гофмейстеринѣ, и княгинѣ Дарьѣ Александровнѣ Трубецкой, урожденной Румянцовой, сестрѣ великаго полководца: сіи савонницы принимали меня весьма милостиво и среди даже посѣщавшихъ ихъ знатныхъ людей, а первая неоднократно помогала и деньгами.

Не могу забыть какъ пришелъ, одинъ разъ, къ княгинѣ Трубецкой и, сяди у ней болѣе трехъ часовъ, не обѣдавши, и, слыша благовѣсть къ вечернѣ, я полагаю, что она отобѣдала и собирався уже откланиваться, какъ увидалъ, что внесли столъ накрытый, ибо она не ходила въ залу, и мы при свѣчахъ стали обѣдать, чему я очень удивился, не зная прежде сего знатнаго обыкновенія; а это было зимой. И такъ я, пообѣдавъ у ней, могъ свободно остаться безъ ужина, а это была тогда не малая для меня выгода.

Товарищи мои по службѣ, видя ко мнѣ благоволеніе Наслѣдника негодовали на меня, а увидавъ при церемоніальныхъ выходахъ двора благосклонное вниманіе ко мнѣ графини, начали завидовать, хотя всѣ они были несравненно богатѣе и знатнѣе меня; но таковая несправедливость ни мало не мѣшала юному и невинному еще моему сердцу наслаждаться настоящимъ, не думая о будущемъ и истинно, что въ сіе время я былъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, веселясь отъ чистаго сердца.

Глава IV.

Императоръ Павелъ I-й и его правленіе.

Сей государь былъ малаго роста и не болѣе 2 аршинъ 4 вершковъ, чувствуя сіе, онъ всегда вытягивался и при походкѣ никогда не сгибалъ ногъ, а поднимая ихъ, какъ бы маршируя, ставилъ на каблукъ, отчего при ходбѣ и стучалъ крѣпко ногами; волосы имѣлъ на головѣ темнорусые съ небольшою просѣдью; лобъ большой или, лучше, лысину до самого темя, и никогда ее не закрывалъ волосами

и даже не терпѣлъ, чтобы кто либо сіе дѣлалъ. Лицо у него было крупное, но худое; носъ имѣлъ курносый, кверху вздернутый, отъ котораго до бороды были морщины, глаза большіе, сѣрые, чрезвычайно грозные, цвѣтъ лица у него былъ нѣсколько смуглый, голосъ имѣлъ онъ сиповатый и говорилъ протяжно, а послѣднія слова всегда вытягивалъ длинно. Онъ имѣлъ привычку, когда молчалъ, надувать щеки и вдругъ опускать ихъ, раскрывая притомъ нѣсколько ротъ, такъ что, бывало, видны были у него зубы, что особенно часто дѣлывалъ когда бывалъ сердить, а это бывало почти каждый день. Иногда, когда бывалъ веселъ, то при перемѣнѣ на вахтъ-парадѣ одного мѣста на другое, припрыгивалъ на одной ножкѣ. Мундиръ носилъ онъ темно-зеленый однобортный съ двумя рядами пуговицъ съ низкимъ воротникомъ краснаго сукна и эскольбантомъ, шляпу черную, какъ и нынѣ, трехугольную безъ всякихъ украшеній; все это дѣлалось съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы поддѣлаться къ костюму Фридриха II-го, короля Прусскаго, котораго онъ уважалъ, вотъ почему и написалъ Державинъ слѣдующую эпиграмму:

„Похожъ на Фридриха, скажу предъ цѣлымъ міромъ,
Но только не умомъ, а шляпой и мундиромъ.“

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы Павелъ I-й не имѣлъ ума; многія быстрыя изрѣченія и письма его доказываютъ, что онъ его имѣлъ много, но злоба и горячность дѣлали его несноснымъ.— Сей государь, издавъ банкротскій уставъ и учредивъ Заемный банкъ, сдѣлалъ два дѣла полезнѣйшія для своихъ подданныхъ; первымъ прекратилъ онъ ужасныя притѣсненія бѣдныхъ заемщиковъ отъ безчеловѣчныхъ ихъ кредиторовъ, которые позволяли себѣ разные, ужасающіе поступки, симъ спасительнымъ закономъ воспрещенные; вторымъ онъ предохранилъ многія фамиліи дворянскія отъ совершеннаго разоренія, а, освободя потомство знаменитаго Ломоносова изъ подушнаго оклада, явилъ въ себѣ покровителя талантовъ, во славу его имперіи употребленныхъ. Но три сіи превосходныя дѣла свои помрачилъ онъ гоненіемъ великаго Суворова; разорительною для государства раздачею знатныхъ и богатѣйшихъ имѣній своимъ любимцамъ, и служившимъ при немъ, когда онъ былъ наслѣдникомъ, офицерамъ, вовсе не заслуживавшимъ сихъ блистательныхъ наградъ; потомъ ошибками въ политическихъ дѣлахъ, и пагубнымъ для государства невниманіемъ къ дѣламъ правосудія, отъ чего вкралось ужаснѣйшее лихоимство, котораго слѣдствія неисчислимы. Наконецъ жестокостію, обращенною на все его окружающее, такъ что никто не смѣлъ ему сказать истины, а недостойные его любимцы еще болѣе возбуждали въ немъ страсти своимъ двоеду-

шіемъ, лестію и похвалами. Злоба Павла I-го на военныхъ превышала терпѣніе самыхъ хладнокровныхъ людей; за одно неправильное поднятiе ноги, за ошибку въ командѣ, за неправильное держаніе экспантона (копье*), сдѣланное изъ желѣза, на которомъ изображенъ былъ гербъ имперіи; сіе копье насажено было на 2¹/₂-аршинное черное древко, подобно знамени, и сіе то орудіе держали офицеры въ рукахъ, а полковники и генералы служили съ шпагами какъ и нынѣ), наказывались офицеры и генералы арестомъ, казематомъ крѣпости и выключкою; послѣднія два весьма были жестокія наказанія. Въ первомъ дурная пища, дурной воздухъ, сумрачный свѣтъ и уединеніе терзало несчастнаго, о чемъ рассказывалъ гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Казариновъ, а второе наказаніе было хотя на чистомъ воздухѣ, но подвергшійся оному не могъ пробыть на одномъ мѣстѣ болѣе 24 часовъ и не могъ нигдѣ имѣть постоянного жилища, за чѣмъ и наблюдаемо было весьма строго на всемъ пространствѣ Россіи; сія то цыганская жизнь и была причиною впоследствии безпокойствъ въ окрестностяхъ Петербурга, что увидимъ ниже. Объ арестѣ никто уже и не думалъ, привыкнувъ къ протяжному и сиповатому крику Павла I-го: „подъ арестъ его!“; сія то сиповатая поговорка подала мысль Державину начать свою оду на вступленіе на престолъ Александра I-го сими словами:

„Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный страшный взглядъ“.

Всѣ гауптвахты были набиты арестантами, на одной Зимняго дворца въ одно время сидѣли генералы: князь Алексѣй Горчаковъ, казачій атаманъ Денисовъ, фонтъ-Дервиць, Ивановъ, Григорьевъ, и фонтъ-Дезинъ; по сему можно судить уже о меньшихъ чинахъ. Къ довершенію всѣхъ сихъ ужасовъ Павелъ I-й по внушенію своего подозрѣнія и своихъ недостойныхъ любимцевъ, Кутайсова и Оболянинова, учредилъ тайную экспедицію; сію ужасную инквизицію своего правленія, куда забиралось много несчастныхъ по одному подозрѣнію, клеветѣ, ошибкѣ или мщенію сильнаго непріятеля; въ семь адскомъ судилищѣ засѣдалъ страшный по одной уже наружности тайный совѣтникъ Николаевъ, окруженный орудіями лютейшихъ пытокъ. Здѣсь пытки назначены были по номерамъ,—напримѣръ, подозрѣваемаго въ дурномъ расположеніи къ Павлу I-му отсылали въ № 1-й; несчастнаго, осмѣлившася посмѣяться наружности его, въ № 2-й и такъ далѣе; были номера, въ которыхъ вытягивали жилы, закладывали кирпичами

*) Копье достаточно широкое, съ лапами, подобно якорнымъ.

въ стѣнѣ.—Но отвратимъ взоръ нашъ отъ сего звѣрства, которое открыто было при вступленіи на престолъ Александра I-го. Императоръ Павелъ былъ во всемъ совершенный деспотъ, онъ не любилъ трагедій и ихъ запрещено было играть, не велѣно было носить круглыхъ шляпъ, фраковъ, жилетовъ и обыкновенныхъ сапогъ и велѣно носить шляпы трехугольныя, кафтаны однобортныя, камзолы съ длинными карманами и ботфорты, однимъ словомъ Павелъ I-й весь Петербургъ сдѣлалъ прусскимъ городомъ, и заставлялъ въ театрахъ смѣяться комедіямъ, когда, по выходѣ изъ онаго, все встрѣчающееся заставляло плакать. Такъ царствовалъ императоръ Павелъ, который при всей своей жестокости любилъ, чтобы его называли отцомъ отечества за мнимое искорененіе лихоимства, когда оно, отъ невниманія его къ гражданской службѣ ежедневно умножалось; за пониженіе подушнаго сбора съ черни, когда желая выиграть ея къ себѣ любовь входилъ въ долги великіе; однимъ словомъ онъ обманывался и его любимцы умѣли держать его въ семь ослѣпленій.—Бывало предъ начатіемъ развода, полиція по ближайшимъ улицамъ къ Дворцовой площади гоняла народъ толпами на оный, останавливая даже экипажи и, не внимая просьбамъ, высылала сидѣвшихъ въ оныхъ ко дворцу, и такимъ образомъ, Павелъ бывалъ ежедневно окруженъ толпами приневоленнаго народа, полагая, что они пришли насладиться его лицезрѣніемъ и любоваться его вахтпарадами; а льстецы не упускали случая говорить ему:—сколько онъ любимъ подданными—и ослѣпляли тѣмъ грознаго самодержавца.

Чѣмъ долѣе царствовалъ Павелъ I-й, тѣмъ подозрѣніе часъ отъ часу болѣе омрачало чело его! Это было слѣдствіе внутренняго сознанія или совѣсти, которой мученія не можетъ избѣжать и сидящій на престолѣ тиранъ! Въ припадкѣ такового волненія духа, Павелъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо жилъ въ его столицѣ безъ службы и повелѣлъ всѣмъ жившимъ въ оной выѣхать вонъ или вступить въ службу; въ число сіе внесены были и люди, занимавшіеся художествами, которые, имѣя пропитаніе и довольство въ семъ пышномъ городѣ, наполненномъ первыми чинами имперіи, вдругъ увидали себя въ необходимости или выѣхать въ другіе для нихъ невыгодные города, оставя въ Петербургѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, или, не нарушая связей сихъ, и не страивая своего состоянія, вступить въ службу. Сіе прямо деспотическое, пахнувшее востокомъ, повелѣніе поразило сихъ полезныхъ и просвѣщенныхъ членовъ общества, а въ томъ числѣ и знакомаго мнѣ искуснаго живописца Степана Андреевича Фокина, чловѣка семейнаго и при томъ небогатаго. Избѣгая изгнанія изъ столицы въ совершенное себѣ разореніе, сей художникъ рѣшился вступить въ службу

по военной коллегіи, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ членѣ оной генералѣ графѣ Иванѣ Александровичѣ Апраксинѣ; но, чтобы его не отрывали отъ занятій, питавшихъ его семейство, онъ принужденъ былъ даромъ расписать плафоны въ великолѣпномъ домѣ сего графа. за что и получилъ свободу заниматься своею работою. Это жестокое и притѣснительное повелѣніе издано было въ 1800 году, зимой.

Казалось, что Павелъ искалъ ненависти народа!—ибо, сверхъ сихъ тираническихъ поступковъ, онъ присоединилъ и послѣдніе—войску и церкви, заставляя первыхъ носить на шарфахъ и петелькахъ любимый малиновый цвѣтъ своей любимицы, написавъ въ то же время и имя ея, на русскомъ языкѣ значущее *благодать*, на знаменахъ и гренадерскихъ шапкахъ всей гвардіи, велѣвъ также пѣть въ придворной церкви во время божественной литургіи во все праздники и воскресные дни концертъ: „*Явися благодать Божія спасительная свѣтъ человѣкомъ!*“! А какъ имя его любимицы было Анна, что въ переводѣ съ греческаго значить „благодать“, то всякій понималъ, что Павелъ хотѣлъ чтобы и самая святая церковь ублажала его подругѣ сердца. Сей гнусный поступокъ влпль, такъ сказать, масла въ то пламя неудовольствія, которымъ горѣли сердца русскія.—Къ поясненію же своего намѣренія, въ разсужденіи прославленія своей милой, сей сѣверный Неронъ, купя два дома на Англійской набережной Невы, и соединя великолѣпнымъ проходомъ, подарилъ ихъ своей любимицѣ, княгинѣ Аннѣ Петровнѣ Гагариной, урожденной Лопухиной, повелѣвъ выставить на семъ огромномъ домѣ ея гербъ, вверху котораго крупными золотыми словами написано было: *благодать*.—

Русскіе молчали, но по природному пылкому своему уму не оставляли Павла I-го въ покоѣ, своими тайными эпиграммами—такъ найдена была въ 1801-мъ году на Михайловскомъ замкѣ приклеенная надпись:

„Здѣсь живетъ
Иди мимо—не вѣшай уха“.

Въ другой разъ найдена была на Исаакіевской церкви (которую Екатерина II-я въ память дня рожденія императора Петра Великаго, начала строить изъ мрамора, и которую Павелъ велѣлъ достроить кирпичемъ) доска съ надписью:

„Се! монументъ двумъ царствованіямъ приличный,
Фундаментъ мраморный а верхъ—кирпичный“.

Но самая наглая надпись была найдена на домѣ Гагариной, которую благопристойность написать мнѣ воспрещаетъ. Вотъ какъ царствовалъ Павелъ I-й, при правленіи котораго все лучшее было подавлено, а все низкое, какъ на примѣръ Кутайсовъ, вознесено было на верхъ чести и достоинства.

Глава V.

ЗНАМЕНИТЫЙ ГОСТЬ.

Въ началѣ 1801-го или въ декабрѣ 1800-го года, точно упомнить не могу, только зимой въ сіе время, пронесся слухъ, что король Шведскій Густавъ IV-й Адольфъ посѣтитъ императора Павла и Петербургъ. Не помню, чтобы дѣланы были публичныя какія приготовленія, но, помню, что всѣ гордились симъ посѣщеніемъ.

Помнится, что въ то время были Святки, только я по праву офицера гвардіи сидѣлъ въ Эрмитажномъ Зимняго дворца театрѣ, куда прибыла уже и императорская фамилія, какъ во время представленія піесы одинъ изъ придворныхъ чиновъ, взойдя въ театръ, доложилъ что-то Павлу I-му, а сей, подозвавъ къ себѣ генераль-адъютанта Уварова, куда то послалъ его, и вскорѣ по шопотамъ разнеслась вѣсть въ театрѣ: „шведской король пріѣхалъ!“ И Уваровъ послалъ отъ государя поздравить его съ пріѣздомъ. Между тѣмъ театръ продолжался, и я, насладясь превосходною музыкою, по окончаніи спектакля возвратился домой. Я любилъ пользоваться позволеніемъ быть въ Эрмитажѣ и не пропускалъ ни одного спектакля, чтобы не быть тамъ, и потому что сіе удовольствіе имѣлъ я даромъ, а это не бездѣлица для того, кто имѣлъ весьма малое содержаніе, а былъ по 16-му году! Правда, что съ осени 1800 года великодушный Шефъ нашъ узналъ о моей бѣдности чрезъ князя Петра Михайловича Волконскаго, котораго я просилъ, и пожаловалъ мнѣ по 600 рублей въ годъ на содержаніе, производя сію дачу по третямъ года, ибо родитель мой и теперь не присылалъ мнѣ болѣе 200 рублей въ годъ. А жалованье мое по тогдашнему окладу состояло изъ 150-ти, но вся сія годовая сумма, состоя изъ 950 рублей, была очень недостаточна для содержанія себя въ гвардіи, тѣмъ болѣе, что Павелъ Первый въ началѣ 1800-го года установилъ для гвардіи офицеровъ нарядныя мундиры; эти мундиры были у нашего полка тоже однобортныя съ двумя рядами пуговицъ, между которыми были вышиты золотомъ петлицы, каковыя были и на воротникѣ, обшлагахъ и карманахъ; каковое шитье стоило тогда 180 рублей. Вотъ почему я и не могъ удѣлить слишкомъ много денегъ на свое удовольствіе, а старался пользоваться онымъ удовольствіемъ.

На другой день пріѣзда короля шведскаго былъ я у него по утру между всей гвардіи офицерами, съ поздравленіемъ пріѣхавшими

къ нему по повелѣнію государя. Король остановился въ домѣ своего посла барона Штедингга на Англійской набережной, гдѣ насъ и представлялъ ему петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Александровичъ Паленъ. Король вышелъ къ намъ въ залу, раскланялся съ нами и возвратился въ свои внутренія комнаты, а мы въ блестящихъ своихъ парадныхъ мундирахъ пустились по домамъ, любуясь тѣмъ, что насъ собирали и суетили для одного поклона шведскому королю.

Съ сего дня я видѣлъ каждый день сего государя по два раза въ теченіи ночи десятидневнаго его пребыванія въ Петербургѣ; поутру на вахтъ-парадѣ, гдѣ онъ всегда бывалъ изъ вѣжливости къ Павлу, а ввечеру въ Эрмитажномъ театрѣ, исключая двухъ дней, когда я былъ визитеръ-рундомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Помню какъ теперь, что мы, вступая въ должность, являлись вмѣсто Павла къ королю для его почести и говорили: „Ваше Величество! къ его императорскому величеству (туда то) наряженъ“, и получали отъ него величественную уклонку головой; сверхъ сей почести мы ему салютовали, проходя церемоніальнымъ маршемъ, а Павелъ стоялъ всегда возлѣ его.

Шведскій король былъ средняго роста, нѣсколько смугль собою; грудь имѣлъ высокую, походку важную, взоръ величественный и пріятный хотя не имѣлъ пригожаго лица; одежда его состояла изъ синей куртки и такихъ же панталонъ безъ шитья, въ черной черезъ плечо перевязи, за которую закладывалъ иногда руку, принимая положеніе истинно царское. Шляпу носилъ круглую съ маленькими полями, у которой лѣвая сторона поля прикрѣплялася къ тулѣ національною кокардою, на правой рукѣ носилъ изъ бѣлаго платка перевязку съ маленькимъ бантикомъ въ память, какъ мнѣ тогда сказывали, того военнаго союза, посредствомъ котораго отецъ его Густавъ III получилъ власть самодержавную. Король изъ этикета имѣлъ всегда на себѣ нашъ Андреевскій орденъ, какъ равно и оба люди его, съ нимъ бывшіе, герцоги Зюдерманландскій и Остъ-Готландскій, а Павелъ I-й, наслѣдникъ, и Константинъ Павловичъ во все время его пребыванія имѣли на себѣ первый его орденъ Серафимовъ, во всемъ подобный нашему Андреевскому, кромѣ того, что въ центрѣ звѣзды вмѣсто Андреевскаго изображенъ бѣлый осьмиугольный крестъ въ видѣ Мальтійскаго, При королѣ была большая свита, которую черезъ нѣсколько дней Павелъ I-й украсилъ нашими и мальтійскими орденами, взаменъ чего король украсилъ одного только нашего графа Христофора Андреевича Ливена, сына моей благодѣтельницы и бывшаго тогда генераль-адъютанта им-

ператора, своимъ орденомъ Меча (желтой лентой съ узкими голубыми каймами).

Во все время пребыванія короля Шведскаго были ежедневные театры въ Эрмитажѣ, куда велѣно прїѣзжать всемъ гвардейскимъ офицерамъ въ парадныхъ мундирахъ; разумѣется, что я воспользовался симъ повелѣніемъ и не пропускалъ ни одного спектакля, когда только не былъ въ должности. Въ сіе время насмотрѣлся я на пышность и блескъ двора, которые Павелъ I-й любилъ очень; здѣсь я видѣлъ придворныхъ дамъ, кавалеровъ и старыхъ нашихъ вельможъ, покрытыхъ золотомъ и брильянтами и украшенныхъ первыми орденами нашей имперіи; изъ послѣднихъ памятли мнѣ князь Николай Ивановичъ Солтыковъ, фельд-маршалъ и бывшій дядька Александра и Константина Павловичей, князь Юсуповъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, графъ Шереметевъ, графъ Строгановъ (Александръ Сергѣевичъ) и отличный по входу, ловкости и фигурѣ, но не по уму графъ Александръ Николаевичъ Самойловъ. Павелъ I-й входилъ въ великолѣпнейше освѣщенный театръ въ предшествіи всего блистательнаго своего двора между рядами сихъ старцевъ вельможъ, и когда являлся въ аркѣ театра, то въ ту минуту начинала играть огромная и восхитительная придворная музыка; король всегда сводилъ императрицу Марію Ѳеодоровну изъ галлерей въ театръ подъ руку, поднимая ее такъ, что государыня опиралась на оную. Сіе пребываніе Густава IV-го въ Петербургѣ доставляло мнѣ величайшее удовольствіе и приводило меня въ восхищеніе, и хотя навѣрное не было изъ всѣхъ присутствовавшихъ кармана пустѣ моего, но по блестящей наружности и я казался богачемъ!—Вотъ какъ наружность обманчива. Читателю извѣстно, какъ я воспитанъ, а потому я и не могъ сначала восхищаться картинами Рафаэля, Корреджіо, Микелля-Анджело и другихъ геніевъ, украшавшихъ комнаты Эрмитажа; но товарищи мои, будучи богатѣйшіе люди и просвѣщеннѣе меня, объяснили мнѣ красоты оныхъ, и сколько я ни грубо воспитанъ, но двѣ картины поразили и меня своимъ превосходствомъ, одна, стоявшая въ углу послѣдней къ театру комнаты, изображавшая благодѣтельную римлянку, кормящую грудью своего отца; и другая въ той же комнатѣ, представляющая старика, зажигающаго пукъ соломы; на послѣдней кажется—видишь огонь, а не краску, освѣщающій лицо бѣднаго поселянина. О искусство! Какъ сильно ты дѣйствуешь даже и на необразованнаго человѣка.

Глава VI.

Михайловскій Замокъ.

При воспоминаніи сего зданія сколько родится во мнѣ историческихъ воспоминаній! Не здѣсь ли обиталъ нѣкогда могущественный монархъ? Не здѣсь ли царевубійца князь Платонъ Зубовъ добызалъ руку сего государя, приготовляя ему смерть жестокою? Не здѣсь ли? Не въ сихъ ли нѣкогда великолѣнныхъ стѣнахъ совершено сіе ужасное убійство, навлекшее на Россію почти непрестанныя 12-лѣтнія войны! Но обратимся къ тому времени современныхъ событій, которому минуло уже 28 лѣтъ.

Сей замокъ, который теперь именуется Инженернымъ, построенъ какъ извѣстно въ уединеномъ мѣстѣ близъ Лѣтняго сада въ Петербургѣ императоромъ Павломъ I-мъ, и стоилъ со всеми постройками и пышнымъ уборомъ комнатъ 10 милліоновъ рублей. И въ самомъ дѣлѣ, парадныя комнаты, въ которыхъ я бывалъ, убраны были мраморомъ, бархатомъ, драгоценными тканями, обоями, бронзою, картинами великихъ живописцевъ; богатыми каминами и другими драгоценными вещами съ величайшимъ вкусомъ, а спальня императора, будучи богато и съ большою разборчивостью отдѣлана, была очаровательна, какъ говорили знающіе очевидцы; однимъ словомъ замокъ сей такъ былъ отдѣланъ внутри, что самъ Павелъ Первый почиталъ достойнымъ издать въ Европу его описаніе, что и поручилъ незадолго до своей кончины извѣстному драматическому писателю Августу Коцебу. Сей то замокъ и спѣшилъ государь отдѣлать, какъ бы влекомый самимъ рокомъ; и, не давши ему порядочно выстояться, въ исходѣ января или въ началѣ февраля 1801-го года переѣхалъ въ оный изъ Зимняго дворца съ большою церемоніею, какъ бы прощаясь съ великолѣпной своей столицей. Въ сей церемоніальный въѣздъ въ Михайловскій замокъ вся гвардія поставлена была отъ Зимняго дворца по Невскому проспекту до онаго по обѣ стороны улицъ въ парадѣ; кортежъ состоялъ изъ многихъ богатыхъ придворныхъ каретъ, заложенныхъ цугами, въ которыхъ сидѣли первые чины двора и императорская фамилія; за сими каретами ѣхалъ Павелъ I-й окруженный двумя своими сыновьями, и сопровождаемый многочисленною свитою. По приѣздѣ Павла I-го въ сей замокъ, начальство во ономъ возложено было на наследника престола въ качествѣ военнаго губернатора, на оберъ-гофмаршала Александра Львовича Нарышкина въ званіи губернатора и на генераль-лейтенанта Котлубиц-

кого въ званіи коменданта; кажется, что раздѣленіемъ власти въ семь своемъ уединенномъ жилищѣ, окруженномъ валами и батареями, между людьми ему преданными, покрывъ ихъ благодареніемъ, Павелъ I-й искалъ своей безопасности. Сей замокъ, какъ я сказалъ, окруженъ былъ глубокимъ широкимъ каналомъ съ водой, валами и батареями; на каналѣ были съ двухъ вѣздовъ подъемные мосты, при которыхъ стояли сильные бекеты*), а въ самомъ замкѣ стояла главная гауптвахта во 130 человекъ солдатъ съ тремя офицерами, сверхъ чего бывали полицейскихъ драгунъ команды при ихъ офицерахъ; въ самыхъ же комнатахъ стояли бекеты кавалергардовъ конной гвардіи, гусаръ и казаковъ; а внутреннія комнаты императора охранялись ежедневнымъ карауломъ лейб-гвардіи Преображенскаго полка, его собственнаго батальона, котораго нижнимъ чинамъ даны были въ ихъ казармахъ тюфяки, производилася ежедневная мясная и винная порція, а офицерамъ давались сверхъ жалованья столовые деньги, чего ни въ одномъ гвардейскомъ полку и даже въ другихъ батальонахъ того же полка никогда не производилось.

На сей то батальонъ полагалъ Павелъ I-й большую надежду, что видно изъ его отличій, а окруженный большою стражею разнородныхъ войскъ своей гвардіи, полагалъ себя въ семь замкѣ совершенно безопаснымъ. Становясь часъ отъ часу подозрительнѣе, государь сей весьма рѣдко ѣзжалъ по городу съ самаго пріѣзда своего въ Михайловскій замокъ, и подобно Тиверію, смотрѣлъ на всѣхъ глазами тирана.

Уединясь самовольно (?) въ семь пышномъ замкѣ съ своею любимцею, и заключивъ въ немъ всю императорскую фамилію, Павелъ I-й становился часъ отъ часу строже, изливая гнѣвъ свой въ особенности на любви достойнаго наслѣдника своего, блаженной памяти императора Александра I-го; онъ не щадилъ, разумѣется, и служившихъ ему, какъ на примѣръ генерала Эмме, содержавшагося на гауптвахтѣ по самый день революціи 12-го марта; не проходило дня, въ который бы комендантъ Котлубицкій не приносилъ цесаревичу Александру Павловичу выговоры за ошибку какого-нибудь караула, либо за нечистоту въ какомъ нибудь углу замка, по которому и вокругъ онаго прогуливался Павелъ весьма часто, не выѣзжая, какъ я сказалъ, на прогулку по городу. — И какіе были выговоры? — „дуракъ и скотина“ (за вѣрный переносъ сихъ словъ отъ Павла наслѣднику, Котлубицкій, по вступленіи на тронъ Александра, посланъ былъ на житье въ городъ Арзамасъ)

Симъ наказаніемъ дано почувствовать Котлубицкому, что какъ

*) Пикеты.

непріятно видѣть пакости отца, такъ непріятно слышать и его грубости), и что получалъ въ отвѣтъ?—съ кротостію произнесенное: „слышу“ или, когда Павелъ самъ его бранилъ на вахтъ-парадѣ, то низкій поклонъ служилъ ему знакомъ извиненія и покорности сына.

Такъ забывалъ Павелъ I-й и свое достоинство и достоинство наслѣдника, а свидѣтели сихъ изъ мѣры выходящихъ грубостей привязывались часть отъ часть къ Александру, по тому участию, которое мы невольно прилагаемъ къ гонимой невинности; сіе участие часть отъ часу распалило злобу въ сердцахъ всей почти гвардіи, противу несправедливаго государя и отца и вскорѣ грянулъ громъ мщенія, впрочемъ беззаконнаго, на главу Павла I-го.

Какъ замѣчательно, что всѣ тираны своего отечества подъ конецъ правленія уединялись отъ своихъ столицъ, какъ напримѣръ Тиверій, Іоаннъ и Павелъ!—происходило ли сіе отъ страха? или по чувству безпокоющейся совѣсти въ сихъ злосчастныхъ государяхъ, или было слѣдствіемъ ненависти въ роду человѣческому, но, во всякомъ случаѣ, оно съ той точки для насъ поучительно, что злоба есть величайшее несчастье и для одержимыхъ ею и что спокойствіе и радость принадлежить единой добродѣтели и кротости.

Глава VII.

Прощеніе.

Безпокойства, возникшія отъ большого числа выключенныхъ штаб-и оберъ-офицеровъ арміи и флота, которые толпами разѣзжали въ окрестностяхъ Петербурга и отбирали силою для себя пищу въ трактирѣ по большой дорогѣ Московской на 7 верстѣ отъ сей столицы и лежащаго при рѣкѣ, (нрзб.) по Нарвской и другимъ дорогамъ, а сверхъ того и политическіе виды знаменитаго и въ большую довѣренность вошедшаго къ Павлу I-му графа Палена, побудили сего государя объявить въ исходѣ 1800-го года всеобщее прощеніе выключеннымъ, которыхъ цѣлыя толпы и прибыли въ началѣ 1801-го года въ Петербургъ для благодаренія царя и подачи просьбъ кто куда желаетъ опредѣлиться. Сямъ воспользовались и друзья графа Палена, знаменитые изгнанники князь *Платонъ* и графы *Валеріанъ* и *Николай Зубовы*, баронъ Бейнигсень, Чичеринъ и многіе другіе славные генералы вѣка Екатерины II-ой.

Я самъ былъ очевидецъ, когда Павелъ I-й принималъ Зубовыхъ въ залѣ Михайловскаго дворца по ихъ возвращеніи. Государь весьма милостиво обошелся съ княземъ Платономъ, взявъ его подъ руку, подвелъ къ окну, долго съ нимъ разговаривалъ и видно было изъ поклоновъ послѣдняго, что разговоръ сей былъ очень для него благосклоненъ; князь былъ въ мундирѣ перваго кадетскаго корпуса, туда онъ наканунѣ дня представленія былъ назначенъ директоромъ, бывъ принять генераломъ отъ инфантеріи, а братъ его Валеріанъ былъ назначенъ во 2-й кадетскій корпусъ также директоромъ и принять въ службу также полнымъ генераломъ, и съ которымъ государь также обошелся милостиво, потрепавъ его по плечу. Сей Валерьянъ, будучи красавецъ, былъ безъ ноги, которую потерялъ онъ пьяный во время польской войны и о ранѣ котораго Суворовъ сказалъ: „боли мною, а славы мало“. Третій ихъ братъ Николай, страшилище по своей гигантской наружности и большимъ глазамъ, былъ назначенъ шефомъ гусарскаго, помнится, Сумскаго полка; три сіи брата были въ Андреевскихъ лентахъ которыми Екатерина ихъ украсила, и обратили на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ, изъ которыхъ многіе ихъ знали во время прежняго царствованія, а другіе слушали лестныя и чрезвычайно увеличенныя имъ похвалы, и, будучи недовольны настоящимъ, вѣрили съ охотою прошедшему. Павелъ I-й при сей аудіенціи былъ очень веселъ и смѣялся съ Зубовымъ и другими; онъ не думалъ, что видитъ того, который сорветъ корону съ головы его и быть можетъ, видя себя окруженнаго крѣпостными валами и сильной стражей, презиралъ всѣхъ сихъ вельможъ, имѣвшихъ причину быть имъ недовольными; и не эта ли была причина поспѣшнаго переѣзда его въ Михайловскій замокъ?— Кто зналъ и видѣлъ Павла I-го, тотъ не могъ не удивиться сему всепрощенію, въ теченіе котораго, принимая однихъ, онъ выключалъ и сажалъ въ крѣпость другихъ. Однимъ словомъ графъ Паленъ, наклоня Павла I-го на дѣло ему несвойственное, показалъ симъ и свой гибкій умъ и великую силу довѣренности, у царя имъ приобрѣтенной.

Глава VIII.

Слухи.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ царствованія Павла I-го, Петербургъ волнуемъ былъ разными неистовыми слухами, направлявшими публику на одинъ предметъ—ненависти къ Павлу. Такъ, говорили и съ великой утвердительною, что Павелъ I-й намѣренъ вскорѣ развестись съ императрицей и жениться на Гагариной, что вся импе-

раторская фамилія развезется по монастырямъ, наслѣдникъ посадится въ крѣпость, и объявятся наслѣдниками трона будущія дѣти его отъ Гагариной. И что Семеновскій полкъ, за преданность нашу къ наслѣднику, разошлетя по сибирскимъ гарнизонамъ. Сія слухи производили свое дѣйствіе въ публикѣ, которая никогда изслѣдовать не любитъ, а съ жадностію хватая самый нелѣпый слухъ, ревностно распространяеть оный. Такъ и было: умы распалилися, неудовольствіе увеличивалося и Павелъ I-й день ото дня становился ненавистнѣйшимъ тираномъ въ глазахъ обитателей Петербурга; такъ достигалъ своей цѣли исполненный великаго ума и хищности глава заговора противу императора Павла Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-деръ-Паленъ.

Но въ сіе время и Павелъ I-й получалъ безымянные доносы о существованіи заговора на жизнь его, чего при всей своей дѣятельности графъ Паленъ отвратить не могъ, но къ кому государь долженъ былъ обратиться о изслѣдованіи сихъ доносовъ, какъ не къ нему же, ибо въ рукахъ его сосредоточена была власть военная, гражданская и полицейская всей столицы, и котораго Павелъ почиталъ преданнѣйшимъ себѣ человекъ. Чтобы усыпить совершенно императора графъ Паленъ имѣлъ дерзость и безстыдство самъ донести Павлу о существующемъ будтс бы заговорѣ по безымяннымъ доносамъ, и чтобы—для устрашенія бдительностію правительства публики—не прикажетъ ли онъ, собравъ офицеровъ гвардіи, объявить имъ о всемъ. Павелъ I-й далъ на сіе, хитро-обдуманное и съ присутствіемъ духа произведенное дѣйствіе свое согласіе. Вслѣдствіе сего дня за четыре до 12-го марта мы и были собраны всѣ въ домъ графа Палена, у Полицейскаго моста поутру до развода. По полномъ нашемъ свѣздѣ и по помѣщеніи насъ въ залъ сего дома, графъ вышелъ къ намъ въ полномъ мундирѣ и, раскланявшись, сказалъ громкимъ голосомъ: „Господа! до свѣдѣнія Государя Императора доходить о существованіи заговора въ столицѣ, но Его Величество надѣется на вашу вѣрность!“—последнія слова произнесъ онъ съ коварной улыбкой, и взглянувъ, не перемѣняя мины, на насъ быстрыми глазами, поклонился и ушелъ въ свои комнаты, а мы поѣхали по домамъ. Извѣстно, что въ заговорѣ противу Павла были и нѣкоторые офицеры гвардіи и думать надо, что, сверхъ усыпленія (бдительности) Павла, сія сцена сдѣлана была для ихъ ободренія, показавъ имъ ясно и свою силу и неустрашимость. Но когда хитрость графа Палена торжествовала съ одной стороны, то съ другой безымянные доносы повторялись не только Павлу I, но и любимцамъ его Нарышкину и Кутайсову, последнему 11-го марта послѣ полудня, какъ сказывали тогда, было

даже подано письмо съ именами заговорщиковъ, но онъ, не распечатавъ его, положилъ подъ подушку своей постели, намѣриваясь прочесть его поутру 12 числа. Всѣ сіи слухи дѣлали то, что Нарышкинъ по званію своему началъ проводить ночи не раздѣваясь, употребляя всѣ осторожности съ своей стороны, но развѣдать о точности заговора сіи придворные любимцы не имѣли средствъ, будучи окружены глазами умнѣйшихъ людей того времени; туча собиралась надъ головой Павла I-го, но онъ пребывалъ безпеченъ, надѣясь на свою стражу и батареи замка.

Глава IX.

11-е число Марта 1801 года или послѣдній день жизни Павла I-го.

Въ сей день разводъ былъ по обыкновенію въ Михайловскомъ замкѣ въ 9 часовъ, и Павелъ I-й находился при ономъ въ совершенномъ здоровьѣ, но только былъ очень сердитъ и весьма прогнѣвался на смѣнявшійся караулъ нашего полка 2-го батальона и кричалъ на шефа онаго генерала Мозавскаго, а наслѣднику сказалъ: „Вашему Высочеству свиньями надо командовать, а не людьми“, я замѣтилъ, что великій князь вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію своему, сдѣлать поклонъ государю, отвратился отъ него и закусилъ губу; не знаю, замѣтилъ ли это Павелъ, ибо это было въ углу двора замка, но мы все это видѣли.

По окончаніи развода Павелъ I-й удалился во дворецъ, а наслѣдникъ вошелъ на гауптвахту и въ офицерской караулнѣ весьма милостиво разговаривалъ съ арестованнымъ генераломъ Эмме и его женою, (пришедшею) провѣдать своего мужа, а маленькаго сына ихъ бралъ на руки и цѣловалъ его; сія умиленная сцена многихъ тронула, показавъ всю благодать души великаго князя. Я, по окончаніи развода и по уходѣ наслѣдника на свою половину, возвратился домой и провелъ оный съ однимъ моимъ знакомымъ. Въ сей день Павелъ I-й послѣ обѣда прогуливался по городу верхомъ, ибо погода была теплая и день очень ясный, а возвратившись въ замокъ, сойдя съ лошади, прошелъ къ канавѣ, окружавшей оный, становился на ледъ, мѣрялъ палкою прибывавшую воду и весело разговаривалъ съ стоявшимъ тутъ часовымъ. При входѣ въ замокъ встрѣтилъ Коцебу съ тетрадью въ рукахъ описываваго оный, остановился съ нимъ у статуи Клеопатры, говорилъ о ея исторіи и, милостиво поклонясь, пошелъ по лѣстницѣ и, взойдя

на оную, обратился еще къ Коцебу, взглянулъ на онаго и пошелъ въ комнаты. Въ сей день караулы въ замкѣ содержалъ нашъ третій батальонъ, котораго шефъ былъ генералъ майоръ Депрерадовичъ, и въ которомъ я служилъ; въ караулѣ на главную гаупвахту вступилъ капитанъ Гаврило Ивановичъ Воронковъ, бывшій изъ Гатчинскихъ служивыхъ Павла, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ; поручикъ Константинъ Полторацкій, одинъ изъ заговорщиковъ, и прапорщикъ Дмитрій Ивашкинъ; на другіе бекеты вступилъ Усовъ и еще не помню другой кто. Дежурный штабъ-офицеръ былъ полковникъ Ситманъ, (прзб.) главныхъ капитанъ Дмитрій Михайловичъ Мордвиновъ, который нынѣ генералъ майоръ и камергеръ, а визитеръ братъ мой Владимиръ. Со внутреннимъ карауломъ Преображенскаго полка лейбъ-батальона вступилъ поручикъ Моринъ, одинъ изъ заговорщиковъ, а другіе отъ конныхъ полковъ, не знаю кто. Воронковъ послѣ зори по обыкновенію ходилъ съ рапортомъ къ Павлу I-му, а, возвратясь въ караульную, нашелъ во оной князя Петра Михайловича Волконскаго любимца и адъютанта наслѣдника; Воронковъ удивился. Но Волконской сказалъ, что онъ отъ скуки, пришелъ съ ними поужинать и принесъ съ собой имъ славнаго вина, которымъ за ужиномъ и потчивалъ Воронкова, удивлявшагося къ себѣ таковой ласкѣ князя, который, зная Воронкова охоту къ сему напитку, очень часто его потчивалъ, отъ чего оный не смѣлъ отговариваться. Послѣ ужина Волконскій тотчасъ ушелъ, сказавъ нѣсколько французскихъ словъ Полторацкому, чего ни Воронковъ ни Ивашкинъ не разумѣли, такъ кончился день сей, достопамятный въ исторіи! И Воронковъ, будучи отягченъ виномъ, вскорѣ легъ спать, не вѣдая, что въ сіе время судьба имперіи была въ рукахъ его! Солдаты начинали дремать; все въ караулѣ было покойно по обыкновенію, и никто изъ всѣхъ ихъ даже и не подозрѣвалъ, что сія ночь будетъ роковою для ихъ государя, котораго хотя они и не любили, но были ему преданы потому одному, что онъ былъ самодержавецъ ихъ.

Глава X.

Тревога.

Въ то время, какъ я только что предался крѣпкому сну, свойственному моимъ лѣтамъ, вбѣжалъ солдатъ въ мои комнаты и громкимъ голосомъ въ темнотѣ кричалъ: „Ваше благородіе, тревога!—пожалуйте на линейку!“ Надо знать, что я жилъ въ корпусѣ, щедротами наслѣдника выстроенномъ почти противъ полковаго двора и госпиталя имъ

же построенаго; коридоръ, отдѣлявшій наши комнаты отъ другихъ офицеровъ, былъ широкій, а людскіе флигеля далеко,—куда на ту пору убрались мои люди; я сталъ кричать: „одѣваться“!—но не тутъ то было!—и такъ въ потьмахъ ища своего платья, нашель его, но, надѣвая его, не попадалъ на ладъ! Наконецъ люди мои прибѣжали и я кой-какъ одѣвшись, бросился на полковой дворъ, но тамъ никого не было, я побѣжалъ къ казармамъ солдатъ и нашель уже тамъ въ глубокой темнотѣ—батальонъ свой, оставшійся отъ караула, выстроеннымъ предъ оными; всѣ офицеры были уже тутъ и генераль Депрерадовичъ, ходя по суетившемуся фронту, повторялъ: „безъ шуму!“ Это было часу въ одиннадцатомъ.

Устроивъ поспѣшно фронтъ, генераль повелъ насъ по *Гороховой* улицѣ, подойдя къ Калинкинскому мосту на Мойкѣ, мы остановились и Депрерадовичъ сказалъ громко: „Власовъ, (адъютантъ, бывший потомъ камергеръ и жившій у насъ въ сосѣдствѣ, въ селѣ Иванковѣ) побѣжайте къ коменданту (въ Петербургѣ при Павлѣ I-мъ было три коменданта: 1-й въ крѣпости, 2-й въ Михайловскомъ замкѣ, а 3-й, городской, завѣдывавшій всѣми караулами въ столицѣ, жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, къ сему то ... (нрзб.) посланъ былъ Власовъ) и спросите гдѣ пожаръ?“—Власовъ поскакалъ въ темнотѣ прямо къ Зимнему дворцу и, захавъ за поворотъ къ оному, остановился, (какъ послѣ узналъ я, ибо и онъ былъ въ заговорѣ) гдѣ простоявъ нѣсколько минутъ, прискакалъ съ мнимымъ къ намъ повелѣніемъ и сказалъ генералу: „пожаръ въ Михайловскомъ замкѣ, и комендантъ приказалъ туда идти“.—Повинуясь сему мнимому приказанію, мы повертели по берегу Мойки и, перейдя мостъ, пошли къ помянутому замку. Нужно при семъ замѣтить одно обстоятельство, доказывающее, что страхъ отнимаетъ догадку; при самомъ вступленіи нашемъ на *Гороховую* улицу поручикъ Никита Кожинъ, бывший въ заговорѣ и знавшій все, бросилъ экспантонъ свой и вскричалъ: „не надо тебя! теперь со шпагою служить надо“—но сего въ то время никто изъ насъ не понялъ; когда мы шли по улицѣ, то, хотя и соблюдалась нами глубокая тишина по приказанію генерала, но за всѣмъ тѣмъ гулъ отъ ногъ 500 человекъ, блескъ оружія при слабѣющемъ ужъ свѣтѣ фонарей и тихій говоръ солдатъ, возбуждали любопытство жителей домовъ, мимо которыхъ мы проходили, и они полураздѣтые (ибо это было часу въ 12-мъ), отворя форты и высуня головы, смотрѣли на улицу, но увидя насъ, идущихъ въ столь необыкновенное время, опрометью бросались отъ оконъ, такъ то ихъ и насъ напугалъ Павелъ I-й. Въ заговорѣ было немного нашихъ офицеровъ и большая часть ничего не вѣдала, и мы сердечно вѣрили что идемъ тушить пожаръ Михай-

ловскаго замка! И какой пожаръ, думаю я теперь, самый опасный, каковой только представляет исторія. Въ темнотѣ и не встрѣчая никого, ибо были первые, шли мы къ замку; подойдя къ оному, насъ остановили и ввели въ бывший при каналѣ экзерцьеръ-гаузъ; тутъ окружила насъ совершенная египетская тьма. Ночь была и сама по себѣ темная, и шелъ дождь, а въ экзерцьеръ-гаузѣ пуще оная умножилась.

„—Что съ нами будетъ?“ спрашивали мы другъ друга. Пожара въ замкѣ нѣтъ; „вѣрно мы приведены для того“, говорили другіе, слышавшіе предъ симъ распущенные слухи, „чтобы отсюда разослать насъ по Сибири“.—Такъ ломали мы головы, стоя болѣе получаса въ сей темнотѣ, а генераль нашъ съ нѣкоторыми офицерами, скрывшись отъ насъ, удивлялъ еще болѣе нашу недогадливость; солдаты, повинуваясь совершенно какъ овцы, спрашивали только другъ у друга потихоньку: „пожара во дворцѣ не видно, зачѣмъ же мы здѣсь?“

По прошествіи добраго получаса или болѣе, генераль сказалъ тихо: „отъ ноги, ступай за мной!“—Мы вышли изъ экзерцьеръ-гауза и пошли прямо на площадь замка. Пройдя каналъ, генераль велѣлъ поднять мостъ, и караулу, стоявшему по ту сторону съ офицеромъ нашимъ Усовымъ, переведа (его) на другую, приказалъ охранять мостъ. Мы прошли уже и монументъ Петра Перваго и все еще подавались ко дворцу, въ которомъ не было освѣщено даже ни одно окно, а не только, чтобы виденъ былъ пожаръ.—Пройдя къ самому замку, генераль, остановя батальонъ и раздѣля его на части, окружилъ ими весь сей замокъ, строжайше приказавъ не выпускать и не впускать никого во оный и давъ въ то же время повелѣніе вернуть въ ружья кремни и приготовить боевые патроны. Это было часу во второмъ пополуночи. Мнѣ назначенъ былъ постъ у корридора замка, идущаго отъ подъѣзда, что на Царицынъ лугъ, который я и занялъ съ 30-ю или 40 человеками солдатъ. Стоя тутъ и не постигая всего того, что съ нами дѣлалось, мы увидали въ нѣкоторыхъ комнатахъ бельэтажа быстро двигавшійся огонь, какъ бы въ рукахъ бѣгавшихъ людей, въ то же время по корридору произошла нѣкоторая бѣготня, чего въ темнотѣ разобрать мы не могли, и слышенъ сталъ отдаленный и глухой говоръ людей. Солдаты мои, стоявшіе до того въ совершенной тишинѣ, вдругъ при описанныхъ мною движеніяхъ, сказали другъ другу; „братцы, во дворѣ что-то не здорово?“ и, подошедъ ко мнѣ, довольно быстро сказали: „Ваше благородіе, во дворцѣ не здорово!“—я молчалъ при семъ ихъ вопросѣ, ибо, не вѣдая самъ ничего и не понимая, не могъ имъ ничего отвѣчать. Солдаты начинали колебаться, въ сіе время мы услышали,

ибо ничего не видать было, пистолетный выстрѣлъ и скачку по Царицыну лугу, за каналомъ, какой то кавалеріи, которая по сіе время осталась тайною для меня. Но среди сего затруднительнаго по молодости моей положенія пришелъ къ бекету моему полковникъ Водковскій и сталъ уговаривать солдатъ, вспоминая имъ времена Екатерины II-й, когда служить было легко и подавая имъ надежду на могущую случиться и теперь переимѣну въ правленіи, но солдаты молчали. Вскорѣ явился къ намъ и генераль нашъ Депперадовичъ и видя неудовольствіе солдатъ возрастающимъ сказалъ Водковскому: „теперь уже пора“, и закричалъ солдатамъ моимъ: „ребята! поздравляю васъ съ новымъ государемъ, у насъ императоръ Александръ. Ура!“ — „Ура!“ закричали вѣрные царю наши солдаты и какъ бекеты наши расположены были другъ отъ друга на близкое разстояніе, то „ура“ загремѣло вскорѣ вокругъ всего замка; радость наша была неописанна, ибо мы всѣ любили Александра, а потому и ура гремѣло болѣе часу, раздаваясь въ пустыхъ коридорахъ Павлова убѣжища.

Едва миновался восторгъ нашъ, какъ прибыли и два другіе наши батальона; мостъ для нихъ былъ тотчасъ опущенъ и полковникъ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, предводя 1-й батальонъ нашего полка, явился на площади замка, а за нимъ и 2-й и тотчасъ заняли линіи вокругъ дворца отъ Садовой улицы и Лѣтнаго саду. Вскорѣ весь фасъ замка, противу насъ стоявшій, освѣщенъ былъ въ бельэтажѣ, и кавалерія, скакавшая, какъ прежде сказано, по Царицыну лугу удалилася, это было часу въ 4-мъ пополудни.

Носилися послѣ слухи, возникшіе отъ арестованія въ сію ночь командира гвардейскихъ гусаръ генерала Кологривова, что, будто сія кавалерія были гусары, разбившіе въ сіе время нѣкоторые набаки и надѣлавшіе, какъ говорили, разные безпорядки, но за вѣрность слуха сего ручаться я не могу.

По прошествіи нѣкотораго времени, и я думаю, въ исходѣ 4-го часа, ибо было еще темно, съ подвѣзда, близъ котораго я стоялъ съ бекетомъ, раздалось нѣсколько голосовъ все еще въ темнотѣ: „Государеву карету!“ И теперь я не могу понять откуда явилась сія карета! приготовлена ли она была съ вечера революціонерами или подвезена тихо въ то время, когда мы заняты были суматохою, въ замкѣ бывшею, сего никакъ не могу рѣшить, но какъ бы то не было, а карета была подана двумѣстная, запряженная четверней и не придворная, ибо тогда придворные экипажи запрягались всегда парадными цугами, а когда и

четверней, то все съ шорами и парадно, а эта карета была заложена ямскими лошадьми и, слѣдственно, была частнаго челоуѣка. Вскорѣ какъ подали карету, на верху лѣстницы показался большой свѣтъ отъ факеловъ, много офицеровъ и генераловъ и между ними шелъ императоръ Александръ I-й; восхитительная и трогательная минута! Мы бросились къ сему государю, цѣловали его руки и мундиръ, а солдаты ему кричали: „ты отецъ нашъ“! Александръ, будучи и самъ разстроганъ не менѣ насъ, отвѣчалъ намъ сими словами: „Такъ, я отецъ вашъ!“ Сѣвъ въ карету, государь поѣхалъ прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ были уже предварительно собраны сенатъ и снудъ; быть можетъ, заговорщики, собравъ сіи сословія, намѣрены были привести Павла I-го сюда, дабы законно лишить его престола, но страсти рѣшили сіе иначе и, быть можетъ, къ лучшему потому, что, привезя сюда государя самодержавнаго, подлежало бы объявить его съ ума сошедшимъ, что было бы весьма затруднительно, а лишить просто престола самодержавца сіи сословія не имѣли ни права, ни власти. Но какъ же были собраны сіи сословія? Тѣми же средствами, какъ и мы, то есть обманомъ,—имъ разосланы были повѣстки въ глухую полночь и сіи повѣстки развезли гвардіи офицеры, которыми сенаторы и архіереи приглашены были въ Казанскій соборъ, а зачѣмъ никто изъ нихъ не зналъ, кромѣ бывшихъ въ заговорѣ, такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ дядя мой, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, Николай Васильевичъ Леонтьевъ, бывший самъ въ соборѣ, но не знавшій зачѣмъ ихъ собрали до тѣхъ поръ, пока явился Александръ I и прочтенъ былъ имъ манифестъ о смерти Павла I-го, въ которомъ причиной оной выставленъ былъ апоплексическій ударъ!— По отъѣздѣ государя мы всѣ оставались въ томъ же положеніи, и я первый имѣлъ честь отдать Елизаветѣ Алексѣевнѣ императорскую почесть по отъѣздѣ ея при разсвѣтѣ въ Зимній дворецъ, то есть салютовалъ ей при барабанномъ боѣ, чего кромѣ императора и императрицы гвардія никому изъ царской фамиліи не дѣлаетъ; вскорѣ послѣ императрицы и вся ихъ фамилія выѣхали въ Зимній дворецъ, оставя сей замокъ навсегда.

12-го числа послѣ полудня смѣнилъ насъ Измайловскій караулъ, и мы въ странномъ ночномъ нарядѣ съ опухлыми отъ безсонницы лицами, въ измокшемъ и потомъ замерзшемъ отъ утренняго мороза платьѣ проходили улицы веселящейся столицы, которой жители толпами прогуливаясь, изъявляли другъ другу радость, обнимаясь между собою и привѣтствуя себя съ благополучной переменой правительства, зная благость новаго монарха. Между сими гуляющими были и странные франты, напримѣръ: круглыхъ шляпъ ни у кого не было, а тре-

угольныхъ не хотѣли уже носить изъ ненависти къ бывшему правительству и такъ, обрѣзавъ поля у треугольныхъ шляпъ сіи франты ходили въ страннаго рода головномъ уборѣ, которому и сами смѣялись; насъ встрѣчали какъ избавителей, хотя изъ благопристойности и не кричали ура, но встрѣчаясь съ нами снимали шляпы и кланялись съ улыбкой благодарности. Такъ кончилось злобное правленіе Павла I-го, о котораго судьбѣ нельзя и не пожалѣть вида, что сей монархъ, могшій снискать благословеніе милліоновъ, заслужилъ проклятіе современниковъ и укоризну потомства. Я отъ сей ночной тревоги выдержалъ болѣзнь, при которой вся голова у меня распухла, но, благодаря Господа, сія болѣзнь прошла въ нѣсколько дней, стараніями полкового нашего штабъ-лѣкаря Штофа. Не могу забыть, что, возвратясь съ сей тревоги домой, я спалъ цѣлыя сутки, не ѣвши и не просыпавшись.

Глава XI.

Заговоръ и смерть Павла I-го.

Люди, которые предназначтали планъ къ низверженію сего государя были, сколько мнѣ извѣстно, генераль отъ кавалеріи и Петербургскій военный губернаторъ графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ деръ Палень (умершій въ изгнаніи своемъ въ Митавѣ 1826-го года 13 февраля на 82-мъ году отъ рожденія, переживъ воцареннаго имъ Александра почти 3 мѣсяцами), сенаторъ графъ Панинъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Самойловъ; первый изъ нихъ былъ умнѣйшій человекъ своего времени, извѣстный генераль вѣка Екатерины и хитрѣйшій политикъ; онъ склонилъ Павла I-го издать прощеніе выключеннымъ и симъ дѣйствіемъ умножилъ свою партію прибывшими по сему случаю генералами отъ инфантеріи княземъ Платономъ Зубовымъ, графами Валеріаномъ и Николаемъ Зубовыми, къ нимъ пристали прощенные же генераль лейтенанты баронъ Бейнитсенъ (извѣстный потомъ какъ предводитель арміи), Чичеринъ и князь Юшвиль. Сверхъ сего, приобрѣлъ графъ Палень на свою сторону командировъ полковъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго генераль-лейтенанта Талызина, Семеновскаго генераль-майора Депрерадовича и кавалергардскаго генераль-адъютанта Уварова. Число сего генералитета умножено было офицерами гвардіи Преображенскаго—полковымъ адъютантомъ Аргамаковымъ, поручикомъ Моричнымъ и нашего—полковниками Ситманъ и Вадковскимъ; капитанами Мордвиновымъ, Волковымъ; поручиками Полторацкимъ, Кожинымъ, Власовымъ и другими. Въ семъ заговорѣ было особенно много

кавалергардскихъ офицеровъ, которыхъ я видѣлъ окружавшими Александра I-го при его выходѣ изъ замка и сверхъ сего великимъ количествомъ выключенныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а всего количество заговорщиковъ простиралось до 300 человекъ, судя по многочисленности движенія ихъ въ замкѣ, мною и другими нашими офицерами замѣченнаго.

Съ сими то лицами предпринялъ глава и душа всего заговора, графъ Паленъ, произвести переворотъ, который имѣлъ вліяніе не только на судьбу нашего отечества, но и на судьбу всей Европы, что показалъ длинный періодъ военныхъ дѣйствій отъ 1805-го года до 1815 годовъ. Справедливость требуетъ сказать при семъ, что, сколько ни была полезна переменна правительства для Россіи, но никакія пользы ея не могутъ извинить ужаснаго пролитія крови государя! сія же самая справедливость требуетъ сказать, что графъ Паленъ не былъ *честолюбецъ*, а искалъ въ низверженіи Павла блага имперіи, ибо иначе онъ, будучи сильнѣйшій въ заговорѣ, могъ вознести себя на степень высокую или по крайней мѣрѣ, ограничивъ права Александра I-го, быть участникомъ правленія и обезопасить тѣмъ свою личность. Исторія справедливо назоветъ графа Палена однимъ изъ безкорыстныхъ вельможъ и даже истиннымъ патріотомъ, но пожалѣетъ, что онъ позволялъ себѣ всѣ средства для достиженія своей цѣли—блага и спокойствія своего отечества.

Теперь въ отношеніи убіенія Павла I-го я буду говорить то, что я слышалъ въ то же время отъ своихъ товарищей и знакомыхъ, истину сего тайнаго убіенія, конечно, можно только открыть записками самихъ убійцъ, если они ихъ оставили, но для меня дороги и мои воспоминанія, носяція печать истины по своей простотѣ и по той вѣковой пословицѣ, что „отъ малой искры бываетъ большой пожаръ“, а это подтвердилось ничего не знающимъ Аргамаковымъ, адъютантомъ Преображенскаго полка, который однако былъ тою искрою, которая дала силу и возможность возгорѣться пламени ужаснаго цареубійства.—Но приступимъ къ дѣлу.

Извѣстно, что императоръ Павелъ любилъ быть самолично на всякомъ пожарѣ въ столицѣ и по симъ обстоятельствамъ адъютантъ Преображенскаго полка въ таковыхъ случаяхъ имѣлъ право приходить къ почивальнѣ и докладывать о семъ; впускаемъ былъ во оную во всякое время; симъ простымъ средствомъ воспользовался Паленъ и наклонилъ къ заговору Аргамакова, тогдашняго полкового адъютанта того

полка, дабы имѣть возможность безъ шума пройти къ Павлу, не обращая вниманія придворныхъ служителей, по той потайной лѣстницѣ, которая, какъ сказывали, вела изъ спальни Павла въ коридоры замка, дабы пресѣчь ему ретираду и дѣйствовать многочисленную партію, которую неудобно было провести черезъ парадныя комнаты. Вслѣдствіе сего, заговорщики раздѣлились на двѣ партіи, одна, подъ предводительствомъ Зубовыхъ, и самая многочисленная, проникла коридорами и помянутой лѣстницей къ спальнѣ Павла I-го, и другая, малѣйшая числомъ, но состоящая изъ знатнѣйшихъ особъ, въ назначенное время подъ начальствомъ графа Палена, когда по расчисленію ихъ Аргамаковъ достигъ спальни, устремилась черезъ парадныя комнаты туда же.

По сему плану Аргамаковъ въ назначенное время пошелъ къ Павлу I-му, и, какъ дежурные камердинеры и прочіе служители, въ переднихъ комнатахъ бывшіе, знали право его, то и пропустили онаго свободно. Приближаясь къ дверямъ спальни, Аргамаковъ сдѣлалъ знакъ, и Павелъ, который, говорятъ, не успѣлъ и заснуть спросилъ: „кто тамъ?“ Аргамаковъ, сказавъ о себѣ, доложилъ о пожарѣ въ городѣ; государь, позвавъ его къ себѣ, спросилъ „гдѣ?“—Въ сіе время Аргамаковъ, пользуясь слабымъ свѣтомъ горѣвшей лампы, мимо ширмъ достигъ сказанной ему двери, тронулъ пружину и—Зубовы влетѣли въ спальню. Встревоженный симъ Павелъ I-й вскочилъ съ постели и въ то же время графъ Паленъ, шедшій съ знатными особами по параднымъ комнатамъ, и котораго зная, всѣ не смѣли остановить, явился предъ государемъ!—Предъ спальнею сія именитая партія рѣшила убить кинжаломъ сопротивлявшагося ходу оной подкамердинера императорскаго, въ другихъ же комнатахъ оцѣпенѣніе и паническій страхъ столь поразили служителей, что они ни малаго даже и вопроса не смѣли сдѣлать идущимъ, зная ихъ чины и довѣренность у государя. Пришедши въ себя, и, быть можетъ, услышавши шумъ, одинъ изъ камеръ-лакеевъ, бывшій въ ближайшей комнатѣ, ударился бѣжать въ караульную главной гауптвахты (ибо внутренняго караула поручикъ Маринъ, бывшій, какъ выше видно, въ караульнѣ и будучи въ заговорѣ, будто получа повелѣніе, перевелъ часовыхъ за нѣсколько комнатъ изъ той, черезъ которую надо было идти графу Палену).

Лакей сей, прибѣжавъ на гауптвахту, кричалъ: „что вы спите, государя рѣжутъ!“—бывшій старшимъ унтеръ-офицеромъ, Михайловъ, думая, что онъ сумасшедшій, схватя его, велѣлъ связать и бросить подъ нары; въ сіе время прибѣжалъ въ караульную другой лакей или, какъ говорили, подкамердинеръ Павла I-го и, вскричавъ „государя рѣжутъ!“,

пустился бѣжать изъ караульни; на шумъ сей всѣ солдаты встали, а Михайловъ, разбудя пьянаго Воронкова, донесъ ему о случившемся. Сей капитанъ, все сіе происшествіе, бывшее у нихъ въ караульнѣ самъ мнѣ рассказывавшій, вскоча, не зналъ что ему дѣлать.—Хотѣлъ спросить совѣта у Мордвинова, бывшаго, какъ выше сказано, главнымъ рундомъ, но его не было, хватился Полторацкаго—и его нѣтъ, тутъ, не зная, что дѣлать, посмотря на часы и, видя 1-й часъ пополуночи, рѣшился послать брата моего Владиміра осмотрѣть посты во дворцѣ, хотя и не было еще 2-го часа, въ которое время визитеръ рундъ долженъ былъ ходить. Оставшись одинъ, Воронковъ не зналъ на что рѣшиться, ибо другой офицеръ Ивашкинъ былъ молодъ и ничего не зналъ, а, слѣдственно, и совѣта ему подать не могъ. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ рѣшился ожидать, стоя у камина, донесенія моего брата и велѣлъ быть осторожниѣ часовымъ, спрашивалъ пойманнаго лакея и видя, что онъ въ полномъ умѣ, ужасался его словъ, но не дѣйствовалъ, да и не могъ дѣйствовать, если разсуждать,—что было ему дѣлать? Если бъ броситься къ Павлу I-му,—сего не смѣлъ онъ сдѣлать и оставить самовольно постъ свой, да и внутренніе караулы есть,—послать къ коменданту? но если все выйдетъ ложь?—тогда голову на плаху. Да и комендантъ, живучи въ замкѣ, все могъ слышать самъ лучше Воронкова, котораго обязанность была охранять только входы замка, что онъ и исполнялъ строго. Послѣ уже онъ догадался для чего Мордвиновъ не ходилъ главнымъ рундомъ, ибо онъ давалъ время заговорщикамъ управляться съ Павломъ, а Воронкову спать. Но это послѣ, а не тогда, когда и самъ испугался и видѣлъ еще Ивашкина, прижимавшагося отъ страха къ знаменному прапорщику Гуркѣ (что нынѣ генераль-майоръ).

Думать надобно, что заговорщики прошли въ замокъ или во время еще ужина, когда князь Волконскій угощалъ Воронкова виномъ, или Полторацкій, во время сна его, пропускалъ оныхъ на разныхъ постахъ, какъ караульный офицеръ, или они издавна прошли въ оный, чего никакъ Воронковъ ни понять, ни объяснить не могъ.

Между тѣмъ какъ сіе происходило на главной гауптвахтѣ замка, заговорщики, какъ сказано выше, достигли Павла I-го. Государь сей, увидавъ Зубовыхъ сказалъ: „что это такое?“ но когда увидалъ вошедшаго въ сіе время и Палена съ другой стороны спальни, то, мгновенно постигнувъ всю свою опасность, взглянулъ на онаго и сказалъ жалобнымъ голосомъ: „и ты противъ меня!“ Тогда Платонъ Зубовъ,—подойдя къ императору и вычисля всѣ его противозаконныя дѣйствія, какъ то:

уничтоженіе дворянской грамоты, повелѣніе наказывать тѣлесно оныхъ, отдачу его любимцамъ государственныхъ имуществъ, какъ на примѣръ: рыбной ловли на Каспійскомъ морѣ графу Кутайсову и прочая;—требовалъ отъ Павла I-го отреченія отъ престола въ пользу наслѣдника.

Павелъ, выслушавъ въ первый еще разъ въ своей жизни горькую истину и движимъ будучи опасностію своей жизни, согласился подписать отреченіе отъ правленія, но въ сіе время свирѣпый генералъ князь Юшвиль вскричалъ Зубову: „князь, полно разговаривать! теперь онъ подпишетъ все, что вы хотите, а завтра головы наши полетятъ на эшафотъ!“—и съ сими словами ударилъ государя табакеркой въ високъ. Павелъ I-й, вскричавъ: „Александръ! Константинъ!“—упалъ отъ сего жестокаго удара на полъ. Сдѣлавъ столь ужасный шагъ, надлежало уже по необходимости идти далѣе, и Павелъ I-й, гроза народа и арміи, самодержавецъ величайшей въ мірѣ монархіи, убитъ былъ тиранскимъ и мучительнымъ образомъ, о которомъ благопристойность говорить воспрещаетъ. Такъ кончили дни свои грозный Павелъ I-й! дни, которыми, посвятя ихъ благу своего народа, могъ онъ снискать благословеніе современниковъ и потомства.

Но обратимся къ событіямъ того времени.

Глава XII.

Происшествія по вступленіи на престоль Александра I-го и судьба убійць.

По совершеніи ужаснѣйшаго царевубійства, убійства за которое Россія наказана была войнами, голодомъ и разореніемъ въ теченіи 24 лѣтъ, Зубовы, Панинъ, Бейнигсенъ пошли къ наслѣднику съ ужаснымъ для добраго сердца его объявленіемъ.—Сказывали тогда, что Александръ I-й при семъ извѣстіи, упавъ въ кресло, рѣшительно отказывался отъ правленія, обвиняя убійць, не выполнившихъ его требованія не касаться до покойнаго его родителя. (Говорили тогда, что Александръ I-й зналъ о предположенной революціи, но желалъ только отреченіемъ Павла I-го спасти Россію отъ гибели—дурнымъ правленіемъ его и преднамѣренною войною съ Англіею—ей угрожавшею. Да иначе и быть сего не могло, потому что если бы Александръ I-й не былъ согласенъ на сей переворотъ, то заговорщики бы въ семъ не успѣли, насъ бы не приводили ночью, и смерть Павла I-го не произвели бы въ

карауль нашего полка, весьма преданнаго своему шефу Александру Первому; однимъ словомъ Александръ все зналъ, но быть отцеубійцей не могъ по своему сердцу), но, когда убійцы отца дерзнули сказать сыну, что если онъ не согласится принять правленія, то увидитъ рѣдкою пролитую кровь въ своей фамиліи, тогда Александръ I-й далъ свое согласіе вступить на обгаренный дымящейся кровью престолъ!

Между тѣмъ какъ сіе происходило въ комнатахъ наслѣдника, графъ Паленъ въ сопровожденіи толпы заговорщиковъ пошелъ на главную гауптвахту, пришедъ ко оной, графъ приказалъ часовому ударить два раза въ колокольчикъ (чѣмъ вызывались тогда караульные къ ружьямъ); капитанъ Воронковъ, стоя, въ ожиданіи свѣдѣнія отъ брата моего, какъ сказано въ XI-й главѣ, у камина и услыжавъ звонъ колокольчика, бросился первый къ ружьямъ и увидавъ Палена, стоявшаго у плацъ-формы съ толпою заговорщиковъ державшихъ, зажженные факелы, поспѣшно скомандовавъ отъ ноги, приказалъ заходить караулу справа и лѣва въ намѣреніи окружить графа (дѣлая все сіе, какъ самъ послѣ признавался, въ ужасѣ, и не зная что самъ дѣлалъ), но сей закричалъ въ сіе время: „ребята, у насъ императоръ Александръ! Ура!“ Воронковъ, кричавшимъ съ великимъ усердіемъ солдатамъ ура, хотѣлъ сіе воспретить, закричавъ „цыцъ!“ Но графъ Паленъ, бросаясь къ Воронкову и схватя его за галстукъ, сказалъ ему: „молчи, я тебя удавлю!“ и обратясь къ явившемуся теперь поручику Полторацкому сказалъ: „извольте командовать на карауль!“ по исполненіи чего графъ самъ прочелъ манифестъ о вступленіи на престолъ Александра I-го и привелъ весь карауль къ присягѣ.

Такъ кончилось происшествіе на главной гауптвахтѣ послѣ чего и настало совершенное спокойствіе. Воронковъ самъ сказывалъ, что Паленъ едва было не удавилъ въ самомъ дѣлѣ его, и не мудрено; графъ былъ высокаго роста и мужчина здоровый, а Воронковъ маленькій и толстенный.

Вступленіе Александра I-го на престолъ Россіи было всеобщимъ торжествомъ, смѣло можно сказать, что ни одинъ государь не видалъ при началѣ своего правленія толикаго восторга своего народа, каковой произведенъ былъ во всей столицѣ одною мыслью, что императоръ у него—Александръ! Гдѣ бы ни являлся сей юный и пречестнѣйшій государь, какъ бывалъ окруженъ тысячами восхищеннаго народа, кричавшаго „ура!“ и цѣловавшаго даже лошадь царскую; восторгъ былъ всеобщій отъ вельможи до послѣдняго поденщика, никто тогда и не мыслилъ, чтобы царствованіе Александра прекраснѣйшаго могло быть

толико бурнымъ и бѣдственнымъ отъ кровопролитныхъ войнъ, тяжести налоговъ и неправосудія, какъ въ послѣдствіи то мы видѣли. Такъ ошибались люди, думавшіе по гордости своей, что избрали лучшее самовольно, не хотя переносить то, что не могло быть безъ воли Божіей! 24-лѣтнее правленіе Александра I-го доказало всю тщетность расчетовъ и надеждъ людскихъ, основывавшихся, какъ всѣмъ казалось, на безпристрастной и строгой истинѣ. Первымъ дѣйствіемъ Александра при вступленіи на престолъ было освобожденіе всѣхъ арестованныхъ и заключенныхъ въ Петропавловской крѣпости несчастныхъ, навлекшихъ на себя гнѣвъ грознаго его родителя; вторымъ—уничтоженіе ужасной Тайной Экспедиціи; третьимъ—изданіе манифестовъ, которыми подтверждены права и привилегіи дворянства и купечества, и навсегда уничтожены во всей имперіи пытки; сими великими и блистательными дѣяніями монархъ сей, приведя въ упоеніе столицу и всю имперію, утвердился на тронѣ, любовію своихъ подданныхъ огражденный. Свидѣтель толь высокой и истинно царской благодати, что долженъ былъ чувствовать графъ Паленъ, даровавъ такового царя отечеству? Но сіе утвержденіе на окровавленномъ тронѣ, Александръ, желая освятить уваженіемъ къ браннымъ остаткамъ почившаго государя и родителя своего, учредилъ великую пышность какъ въ дежурствѣ при тѣлѣ его такъ и въ богатомъ катафалкѣ и великолѣпнѣйшемъ погребеніи.

Тѣло Павла I-го отъ дня кончины его, бывъ одѣто въ порфиру и корону и положенное въ богатомъ гробѣ, окруженномъ всѣми регаліями государственными, было поставлено въ одной изъ залъ Михайловскаго замка (что нынѣ Инженерный), обитой чернымъ сукномъ, на великолѣпномъ о нѣсколькихъ ступеняхъ катафалкѣ, на которомъ стояли вокругъ гроба 4 гвардейскихъ офицера, 4 камеръ-юнкера, 2 камергера, 1 сенаторъ и много камеръ-пажей и пажей; весь катафалкъ ровно и балдахинъ обиты были малиновымъ бархатомъ съ богатыми газомъ, бахромою и кистями, а стѣны зала уставлены были гербами имперіи на черномъ сукнѣ. Я былъ дежурнымъ при тѣлѣ два раза; въ такомъ видѣ представлено было глазамъ народа тѣло монарха, обладавшаго великою имперіею болѣе 4 лѣтъ. Погребеніе соотвѣтственно было величію почившаго монарха могущественнаго царства земного, въ которомъ несены были короны и знамена, мечи и гербы; ведены были парадныя лошади, несено множество орденовъ своихъ и чужихъ, ѣхали два воина; одинъ въ черныхъ, другой въ золотыхъ латахъ, множество придворныхъ экипажей; весь сводъ шелъ предъ гробомъ почившаго, за которымъ шелъ Александръ I-й и братъ его Константинъ, оба въ глубокомъ траурѣ, а по сторонѣ гроба шелъ пѣшкомъ съ уклоненной

шпагой графъ Паленъ въ качествѣ военнаго губернатора столицы. Гвардія была въ парадѣ отъ Михайловскаго замка до Крѣпости, и мы стояли линіями. Такимъ образомъ почти бранныя остатки родителя своего и предавъ оныя землѣ, Александръ вскорѣ, и именно въ іюнѣ, послалъ графа Палена въ политическую ссылку въ Курляндію, графа Панина въ свои деревни, Бейнигсена въ Вильну, а Зубовыхъ Платона за границу, Валеріана и Николая въ деревни; сихъ послѣднихъ удалилъ онъ уже послѣ коронаціи, какъ равно и графа Самойлова. Такъ дѣйствовалъ сей государь въ смыслѣ строгой политики, ибо наказать ихъ строже значило бы открыть государственную тайну смерти отца своего, что было бы весьма опасно и даже безразсудно. Но и сіе наказаніе должно было быть очень тягостно для людей, надѣявшихся занять первыя мѣста въ государствѣ и осужденныхъ теперь жить въ тяжкой для нихъ неизвѣстности и презрѣніи.

Глава XIII.

Утро Святой недѣли 1801-го года, памятникъ Суворову и походъ въ Москву.

Любимый Александръ I-й въ блескѣ юности и тѣлесной красоты, которою умѣлъ онъ очаровать всѣхъ, имѣвшихъ доступъ къ его особѣ, явился намъ и въ пышности царской въ 1-й день Святой недѣли. Наканунѣ дня сего повѣщено намъ было, чтобы по первому пушечному выстрѣлу вставать и одѣваться, по второму ѣхать въ Зимній дворецъ, а по третьему начнется благовѣсть при всѣхъ церквахъ столицы,—и такъ съ первымъ выстрѣломъ, сдѣланнымъ съ крѣпости, я, вскоча съ радостнымъ духомъ, началъ одѣваться по новой формѣ, данной намъ за нѣсколько дней, то есть вмѣсто щиблетъ и штановъ я надѣлъ панталоны и высокіе сапоги, вмѣсто богатаго, но безтолковаго надѣлъ прекрасный мундиръ съ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и съ выкладкою краснаго сукна по фалдамъ, и взявъ въ руки шляпу украшенную большимъ чернымъ султаномъ, полетѣлъ въ Зимній дворецъ въ 11 часовъ при второмъ пушечномъ выстрѣлѣ; на улицахъ, освѣщенныхъ фонарями, я увидалъ движеніе экипажей и народа, суется радостно; первые направлялись большею частію ко дворцу, а послѣдніе стремились въ разные великолѣпные храмы столицы.

Взойдя во дворецъ, я былъ, такъ сказать, ослѣпленъ и пораженъ блескомъ освѣщенія, сіяніемъ звѣздъ, брильянтовъ, золота и серебра,

покрывавшихъ дворъ и вельможъ великаго царя; тутъ являлись мнѣ сановники Екатерины II-й, покрытые сѣдинами и знаками чести и славы и съ важностію ходившихъ по свѣтящейся залѣ; тамъ рой царедворцевъ, покрытыхъ золотомъ жужжалъ между собой, любуясь своими нарядами, а здѣсь многочисленное собраніе сенаторовъ, министровъ и первокласныхъ чиновъ, тихо прохаживаясь, разговаривало въ полголоса между собою, наконецъ наша братія, офицеры гвардіи, съ военною быстротою размахивая эксельбантами и гремя шпорами, толпились между рядами сихъ почтенныхъ особъ, сосредоточиваясь по полкамъ своимъ, будучи руководимы своими генералами, съ важною радостнаго лица миною устраивавшихъ насъ во срѣтеніе имѣющаго вскорѣ явиться монарха нашего. Наконецъ явился сей монархъ и сей царь сердець! съ кроткою улыбкою, съ радостью и благосклоннымъ взоромъ, онъ шелъ съ важностію царя въ предшествіи своего блистательнаго двора, ведя свою юную супругу и окруженный пышною свитою; сія минута неописанна! Царь нашъ былъ царь не только по духу и дѣламъ, но онъ былъ царь по красотѣ, по чаровательному взору, однимъ словомъ Александръ I-й былъ истинно царь по превосходству! Но вотъ сіе солнце начало удаляться отъ насъ, и мы, какъ бы влекомые силою притяженія, устремились за нимъ въ храмъ Божій, тамъ, по окончаніи заутрени, мы вслѣдъ за чинами двора его съ нимъ христосовались, и я въ сей день имѣлъ отличнѣйшую честь поцѣловать въ губы сего государя, а государынѣ мы кланялись. По оковчаніи божественной литургіи, Александръ I-й, въ предшествіи блистательнаго двора своего, возвратился во внутреннія комнаты, а я, полный восторга отъ всего видѣннаго, удалился въ свою квартиру. Такъ сей монархъ привлекалъ къ себѣ благоснисхожденіемъ своихъ подданныхъ, и увѣренный, что въ монархіяхъ непремѣнно нужно соревнованіе въ славѣ, далъ вскорѣ блистательнѣйшее доказательство уваженія своего къ знаменитымъ заслугамъ, воздвигнувъ превосходный памятникъ герою Рымника, Польши и Италіи безсмертному нашему Суворову.

Памятникъ сей, поставленный на Царицыномъ лугу, иначе Марсовымъ полемъ называемымъ (сей памятникъ предъ 1825-го годомъ императоромъ Александромъ I-мъ перенесенъ на особую площадь, Суворовской и названной, и поставленъ въ семь же видѣ), изображалъ Суворова во весь ростъ въ мантии и римскомъ шипакѣ, стоящаго на высокомъ пьедесталѣ и держащаго въ лѣвой рукѣ щитъ съ изображеніемъ государственнаго герба, которымъ прикрывалъ онъ стоящія короны: императорскую Австрійскую, палскую тиару и королевскія: Сардинскую и Неаполитанскую, а въ правой рукѣ, поднятой

кверху, и изогнутой противъ шеи къ лѣвому плечу, держалъ онъ мечъ-эмблему громоносныхъ побѣдъ своихъ въ Италіи, на защиту сихъ государствъ одержанныхъ; на шеѣ у него на двухъ цѣпяхъ висятъ вензеля Екатерины II-й и Павла I-го, въ царствованіе которыхъ прославилъ онъ оружіе наше. На пьедесталѣ, сдѣланномъ изъ мрамора вышиною аршина въ три, по сторонамъ утверждены мѣдныя доски съ изображеніемъ знаменитѣйшихъ побѣдъ Суворова, а съ лицевой стороны золотыми словами изображена слѣдующая надпись: „Генералиссимусу, князю Италійскому, графу Суворову-Рымникскому 1801-го года“. Статуя Суворова, ровно щитъ, мечъ и прочее, вылиты изъ зеленой мѣди, подобно монументу Петра Великаго. Для открытія сего памятника въ исходѣ іюня 1801-го года собраны были батальоны гвардіи и армейскихъ полковъ, въ Петербургѣ стоявшихъ, и роты артиллеріи; войска сіи, въ назначенный день бывъ собраны, выстроились линіями по Царицыну лугу въ видѣ огромнаго полукруга отъ самаго памятника, который закрытъ былъ огромными ширмами. Когда мы выстроились и о семъ донесено было государю, то (явился) сей монархъ, окруженный великимъ числомъ посѣдѣвшихъ въ браняхъ генераловъ, между которыми былъ и знаменитый впослѣдствіи времени Кутузовъ, тогдашній военный губернаторъ столицы; при появленіи императора мы ему отдали честь съ музыкой и барабаннымъ боемъ; государь, остановясь въ срединѣ круга войскъ, прямо противъ памятника, изволилъ вынуть шпагу изъ ноженъ (въ знакъ, что онъ самъ будетъ командовать) и послалъ князя Волконскаго съ приказаніемъ опустить ширмы, закрывавшія героя отъ нашихъ любопытныхъ глазъ. Во мгновеніе ока ширмы упали и намъ явился блестящій отъ солнца видъ великаго мужа!—государь тотчасъ самъ scomандовалъ: „палить!“ и грома пушекъ, соединясь съ залпами батальоновъ, потрясъ воздухъ, потрясли и сердца всѣхъ зрителей, исполненныхъ восторга при видѣ того, кто всю жизнь свою посвятилъ на славу и защиту отечества. По совершеніи трехъ залповъ мы подъ предводительствомъ государя пошли мимо памятника Суворова церемоніальнымъ маршемъ и салютовали оному; проходя мимо котораго, я видѣлъ государя, стоящаго по правую сторону изображенія героя съ опущенной шпагой.*)

Въ исходѣ іюля полки гвардіи начали выступать изъ Петербурга въ Москву, куда и я выступилъ съ 3-мъ батальономъ Семеновскаго полка подъ начальствомъ генералъ, майора Лихачева. При выступленіи нашемъ государь съ двумя принцами Баденскими, отцомъ и братомъ его супруги. пріѣзжалъ къ намъ и смотрѣлъ насъ при выходѣ изъ столицы.*)

*) Въ сихъ мѣстахъ въ рукописи вырѣзка, почти что въ четыре страницы.

Глава XIV.

Вступленіе въ Москву, въѣздъ въ оную Александра I-го и его коронація.

Бывъ привѣтствуемы и встрѣчаемы радостно, мы шли въ Москву какъ бы прогулкою на разстояніи 720 верстъ, и достиг *)
 *)
 ожидали прибытія монарха, ибо онъ въ первыхъ числахъ Сентября прибылъ въ Петропавловской подѣздный дворецъ, въ полуторѣ верстѣ отъ Москвы лежащій, куда мы и ѣздили для поздравленія его съ благополучнымъ пріѣздомъ. Вскорѣ послѣ сего, послѣдовалъ торжественный въѣздъ сего государя въ столицу, пришедшую во всеобщее движеніе при семь триумфѣ. Въ назначенный для сего день, помнится, 8-го Сентября, выстроена была гвардія по улицамъ, гдѣ долженствовало быть шествіе монарха, по обѣ стороны оныхъ въ одну шеренгу такъ, что отдавъ честь и откинувъ ружье отъ ноги одинъ гренадеръ касался онымъ лѣваго бока другого; офицеры были поставлены частію по симъ шеренгамъ, частію при знаменахъ, которыя со всѣми батальонами, барабанщиками, флейтчиками и музыкою подъ прикрытіемъ взвода усатыхъ гренадеръ поставлены были на флангахъ батальоновъ. Нашъ 3-й батальонъ выстроенъ былъ отъ Никольскихъ воротъ мимо церкви Владимирской, вдоль по улицѣ и примыкалъ лѣвымъ флангомъ ко онымъ, а правымъ къ лѣвому флангу 2-го батальона нашего полка.

Пышный и блистательный въѣздъ сего государя открывалъ взводъ прекрасныхъ и покрытыхъ золотомъ и барсовыми мантиями гвардейскихъ гусаръ подъ предводительствомъ шефа своего, отличнѣйшаго ѣздока того времени, генераль-лейтенанта Кологривова, который имѣлъ видъ истинно гусарскій и лошадь его пожирала, такъ сказать, землю, дѣлая безпрестанные обороты то въ ту, то въ другую сторону. За ними ѣхали почталыоны, и цуги знатнѣйшихъ вельможъ; чтобы дать понятіе о длинномъ семь рядѣ великолѣпнѣйшихъ экипажей знаменитыхъ сановниковъ, скажу объ одномъ изъ нихъ, оставшемся у меня въ свѣжей памяти; блистательный сей цугъ принадлежалъ князю Куракину, онъ состоялъ изъ шести прекраснѣйшихъ соловыхъ лошадей, заложенныхъ въ выложенную перламутромъ и покрытую въ приличныхъ мѣстахъ золотомъ карету, на сихъ лошадяхъ хомуты и шоры были зеленые бархатные, вышитые золотомъ, равно какъ и возжи, и на головахъ у лошадей были зеленые перья. Предъ симъ цугомъ ѣхали два верховыхъ

*) Въ семь мѣстъ въ рукописи вырѣзка въ страницу.

лакея въ палевой съ серебромъ ливреѣ, за ними два скорохода, а по обѣ стороны кареты шли два гайдука, за каретой же стояли 4 лакея и всѣ въ одинаковыхъ съ вершниками ливреяхъ богато обложенныхъ серебрянымъ галуномъ; таковыхъ блистательнѣйшихъ цуговъ ѣхало, думаю, болѣе двадцати, рознившихся цвѣтомъ только ливрей и видомъ каретъ, но не богатствомъ, оныя принадлежали князю Юсупову, графамъ Шереметевымъ, Строгонову, Салтыкову, Самойлову, Орлову-Челинскому; господамъ: Еропкину, Нарышкинымъ и другимъ вельможамъ. Блескъ пышныхъ ихъ экипажей вполне изображалъ величіе монарха, которому они служили, и дѣлалъ видъ великолѣпія, доселѣ невиданнаго! Не должно думать, чтобы описанной мною цугъ князя Куракина былъ богатѣе другихъ, онъ имѣлъ болѣе другихъ вкуса, а не богатства; Шереметева карета была золотая, осьмистекольная, а ливрея красная съ золотыми галунами; хомуты же и шоры были малиновые бархатные, шитые золотомъ и блестками; другія ливреи были столь же богаты какъ и сія, но я сокращаю описаніе ихъ, помня, впрочемъ, ихъ столь живо, какъ бы вчера. Столько то врѣзалось въ мою память сіе дивное богатство.

За сими цугами ѣхали церемоніймейстеры съ жезлами, камергеры и великіе чины двора, потомъ государственный совѣтъ, придворныя богатыя кареты, и взводъ кавалергардовъ, предводимыхъ прекрасной фигуры и виднымъ собою генераль-адъютантомъ Уваровымъ; за симъ взводомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ Александръ I-й безъ шляпы, кланяясь на обѣ стороны тысячамъ народа и дворянства, покрывавшимъ улицы, и всѣ мѣста, нарочно для помѣщенія послѣднихъ устроенныя. По правую сторону сего государя ѣхалъ цесаревичъ Константинъ, а по лѣвую знаменитый графъ Чесменскій; за нимъ ѣхала многочисленная и блистательная свита, украшенная многими посѣдѣвшими во браняхъ знаменитыми генералами; за сею свитою ѣхали богатыя придворныя кареты, въ которыхъ сидѣли обѣ императрицы и прочіе члены царской фамиліи, а за ними второй взводъ кавалергардовъ. Императрицы сидѣли въ золотыхъ каретахъ восемью лошадьми каждая запряженныхъ, и у императрицы матери на верху кареты была поставлена золотая корона, у царствовавшей же не было оной, ибо не была еще коронована. Предъ каретами, возлѣ и сзади оныхъ, ѣхали камеръ-пажи и шталмейстеры, а на ремняхъ сидѣли пажи всѣ въ богатѣйшей придворной ливреѣ, обложенной гассами съ орлами. Встрѣчи, дѣлаемыя Александру I-му, были торжественны, врата прекраснѣйшей архитектуры, у которыхъ расположены были разные чины столицы; у Никольскихъ, гдѣ я стоялъ, расположены были синодалныя пѣвчіе и сту-

денты духовной академіи подь предводительствомъ своего архимандрита Владимира по обѣ стороны оныхъ, и когда государь сей подѣхалъ къ онымъ, то пѣвчими воспѣтъ былъ кантъ, а студенты устлали путь ему лавровыми вѣнками и масличными вѣтвями. Такимъ образомъ, сія пышная и блистательная процессія, пройдя черезъ большую часть древней столицы, остановилась у дворца въ Нѣмецкой слободѣ, гдѣ тогда и остановился государь сей до дня своего коронованія; наканунѣ котораго и переѣхалъ въ Кремлевскій дворець.

Ликуя при семъ отечественномъ празднествѣ и встрѣчая съ восторгомъ и умиленіемъ любимаго своего Александра I-го, могли ли жители Москвы думать, что черезъ 12 лѣтъ сей самый Александръ привлечетъ своими ошибками арміи всей Европы въ нѣдра ея, и что она разрушена будетъ до основанія тѣмъ корсиканцемъ Бонапартомъ, о которомъ тогда большая часть ихъ и не слыхивала? конечно не думали, но мечъ небеснаго правосудія готовъ былъ карать царя сего, а съ нимъ и царство его за гордость ихъ и самонадѣяніе одного на другого. Александръ I-й въ 1803 году, покровительствуя прелюбодѣяннѣмъ подданныхъ, усыновляя незаконнорожденныхъ дѣтей ихъ, явилъ всенародно презрѣніе свое къ уставамъ вѣры и нравственности, а послѣдующими своими дѣяннѣями погрузя въ пропасть свое отечество, доказалъ тѣмъ, что заслуживалъ не восторгъ, но унылость своего народа и то, что первоначальное восхищеніе не суть порука царямъ за любовь ихъ народовъ! Мы видѣли тогда во Александрѣ I-го ангела мира, а Всемогущій, зрящій глубину сердца царя, зрѣлъ въ немъ будущаго истребителя благоденствія отечества нашего.

Коронованіе, совершенное въ 15-й день сентября, было, соотвѣтственно величію Россіи, (было) блистательно и великолѣпно. Мы, то есть вся гвардія, къ 7 часамъ утра того дня выстроены были линіями по Кремлю, нашъ батальонъ примыкалъ лѣвымъ флангомъ къ Успенскому собору, а правымъ ко 27 батальону нашего полка. Къ 8 часамъ утра заревѣлъ ужасный колоколъ на Иванѣ Великомъ, а вскорѣ явился на Красномъ крыльцѣ и Александръ I-й въ мундирѣ Преображенскаго полка, въ лентѣ Андреевскаго ордена, имѣя звѣзду онаго брильянтовую. Сойдя съ лѣстницы, онъ пошелъ въ соборъ подь богатѣйшимъ балдахиномъ золотого глазета съ таковою же бахромою и кистями; верхъ сего балдахина, утвержденный на серебряныхъ столбахъ, украшенъ былъ пуками бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Сему государю сопутствовала и незабвенная благодѣтельная Елизавета Алексѣевна, его супруга; при появленіи государя мы ему салютовали при боѣ бара-

бановъ и играній музыки. Коронованіе отправлялъ извѣстный тогда умомъ митрополитъ Платонъ и, по совершеніи онаго, говорилъ Александру I-у столь назидательное привѣтствіе, что едва ли бы кто кромѣ его осмѣлился сказать таковыя истины въ лицо самодержавному монарху! Сія рѣчь, впоследствии переведенная на многіе языки, изумляла даже самыхъ свободныхъ французовъ своею рѣзкою истиною, сказанною въ наставленіе царей.

По окончаніи коронаванія (во время котораго при возложеніи короны государемъ на голову свою, при многолѣтїи и муропомазаніи производима была нами пальба батальонными залпами, сопровождаемая пушечными залпами же гвардейской артиллеріи и Кремлевскихъ батарей) Александръ I-й по обыкновенію пошелъ въ Благовѣщенскій и другіе соборы для поклоненія гробамъ предковъ своихъ; онъ вышелъ изъ Успенскаго собора въ предшествіи многочисленныхъ депутатовъ разныхъ сословій имперіи, всего двора и государственныхъ регалій предносимыхъ генералитетомъ, имѣя на себѣ корону и порфиру, въ лѣвой рукѣ державу, а въ правой скиптръ. Въ семь блистаніи встрѣченъ онъ былъ залпами артиллеріи, ужаснымъ колокольнымъ звономъ, нашею музыкою и барабанами; и все сіе, потряся воздухъ и поколебавъ землю, производило неизъяснимое чувство восторга и благоговѣнія къ человѣку, облеченному возможную земною славою и поистинѣ превознесенному. Государь сей шествовалъ по деревянному помосту обитому алымъ сукномъ съ золотыми галунами, простиравшемуся между всѣми соборами и дворцами подъ балдахиномъ и проходилъ весьма близко мимо меня, и я успѣлъ довольно насмотрѣться на красоту и величіе, можно сказать, нечеловѣческія.

Императорская корона сдѣлана вся изъ золота и сплошь осыпана крупными брилльантами (ожуръ) лучшей воды; на верху ея поставленъ лалъ (камень алаго цвѣта, величиною въ голубиное яйцо), на которомъ утверждень брилльантовый же крестъ; борть сей короны осыпанъ брилльантами ряда въ три, величиною въ большой русскій орѣхъ. Держава сдѣлана шаромъ, а внизу для руки поддонъ также изъ золота и обведена кругомъ и крестообразно отъ верха до низу крупными брилльантами, на верху ея поставленъ лалъ такой же, какъ и на коронѣ, а на немъ крестъ брилльантовый; скиптръ золотой, вышиною около аршина, осыпанный по мѣстамъ крупными брилльантами, а на верхнемъ концѣ его утверждень великій алмазь во 194 карата вѣсомъ, цѣннымъ въ милліонъ рублей серебромъ; на семь огромномъ и драгоцѣнномъ брилльантѣ, отшлифованномъ пирамидально, утверждень государственный

гербъ изъ брилльянтовъ же; столь великое богатство, блистая отъ яркости солнца, представляло Александра I-го по истинѣ чѣмъ то болѣе, нежели человѣкомъ.

Глава XV.

Возвращеніе въ Петербургъ; чтеніе первой книги; переходъ въ армію и отставка.

По окончаніи празднествъ коронаціи мы выступили обратно въ Петербургъ, куда и пришли въ исходѣ Октября. Здѣсь въ первый разъ по вступленіи своемъ на тронъ показалъ намъ Александръ I-й, что и онъ любилъ, подобно родителю своему, заниматься вздоромъ. Мы, пришедъ къ Петербургу въ самый ненастный и холодный день и остановясь у заставы, дожидались часа три пріѣзда государева, которому донесли о нашемъ прибытіи, и онъ, будучи повелитель великой имперіи, рѣшился потерять нѣсколько часовъ на встрѣчу одного батальона! должно признаться, что измокнувъ и перезябнувъ по пустому, мы очень досадовали въ первый еще разъ на сего государя.

Благоволеніе монарха ко мнѣ продолжалось, я служилъ ревностно, но и зависть моихъ товарищей по службѣ была неусыпна. Молодость и неопытность моя дѣлали въ глазахъ моихъ всѣхъ мнѣ друзьями, и я полагалъ что меня всѣ любятъ и желаютъ мнѣ блага. Сію то неопытностію воспользовались нѣкоторые офицеры нашего полка и начали мнѣ совѣтовать удержать дѣлаемое мнѣ государемъ вспоможеніе по 600 руб. въ годъ всегдашнимъ пансіономъ, что по бѣдности моей и по тягостному оной напоминанію ежетретно князю Волконскому было бы для меня лучше. Къ исполненію сего плана друзья сіи, ищущіе моего удаленія, а себѣ вакансій, совѣтовали мнѣ подать просьбу о выпускѣ въ армію, дабы тѣмъ, когда государь пожелаетъ меня спросить о причинѣ онаго, воспользовавшись, объяснить бѣдное свое состояніе и получить назначеніе получать пособіе безъ просьбъ и всегда аккуратно. Безумное сіе предложеніе, теперь бы мною съ презрѣніемъ отвергнутое, казалось тогда мнѣ прекраснымъ и потому болѣе, что государь, в недавнѣ, заплатя долги моей матери, до 7000 рублей простиравшіеся за мою и брата моего службу, могъ иногда объявить и неудовольствіе за частыя просьбы, да и мнѣ совѣстно было при всей моей бѣдности утруждать сего государя, благодѣтеля моего и моей матери, частыми просьбами о себѣ, къ чему принуждало меня малое содержаніе отъ отца моего получаемое, простиравшееся до 200 рублей въ годъ,

хотя отецъ мой получая болѣе 3000 рублей ежегоднаго дохода и не имѣя при себѣ никого изъ дѣтей, ибо всѣ они жили при матери въ ея имѣніи, могъ бы и утроить мое содержаніе—памятуя, что на мое воспитаніе не употреблено имъ и мѣднаго гроша.

Въ сихъ совѣтахъ друзей моихъ прошла вся зима, въ теченіе которой мнѣ попалась первая книга въ моей жизни, которую я и прочелъ съ жадностью; сія книга была романъ дю Кре дю Мениля „Викторъ или дитя въ лѣсу“, и она то пріохотила меня къ чтенію, столь страстно впоследствии мною любимому и отъ котораго получилъ я все мое образованіе. Вотъ почему памятно для меня сіе событіе, въ жизни другого вовсе незначащее; прочтя сію книгу, я любопытствовалъ и еще читать, и мнѣ попалась переписка Екатерины II-й съ Вольтеромъ, жизнь Нерона, жизнь Суворова, Лаудона и лѣтопись Дмитрія Ростовскаго, изъ которой особенно я получилъ понятіе о мірѣ, его измѣненіяхъ и государствахъ до насъ бывшихъ; сію послѣднюю получилъ я отъ Ивана Александровича Вельяминова, любившаго меня и бывшаго у насъ въ полку полковникомъ, и весьма ученаго человѣка, который теперь, когда пишу сіе, будучи генераль-лейтенантомъ, назначенъ генераль-губернаторомъ Западной Сибири. Надо при семъ замѣтить и то, что въ теченіи сего лѣта еще до похода моего въ Москву, одинъ почтеннѣйшій офицеръ нашъ, Дмитрій Петровичъ Горихвостовъ, по желанію добраго сердца своего далъ мнѣ понятіе о многомъ, сводя меня въ Академію Художествъ, Наукъ и въ Кунсткамеру; въ это время по его же благорасположенію слушалъ я и лекцію натуральной исторіи профессоромъ Озерецковскимъ преподаваемую, и сими то добрыми моими благодѣтелями, хотя нѣсколько (была) поднята завѣса окружавшаго меня мрака невѣжества.

Въ мартѣ мѣсяцѣ частые совѣты мнимоискреннихъ друзей моихъ, хлопотавшихъ о моей пользѣ, рѣшили меня подать просьбу о выпускѣ въ армію. Сію просьбу полковой командиръ нашъ генераль-майоръ Леонтій Ивановичъ Депрерадовичъ представилъ государю; принявъ оную, Александръ I-й спросилъ у генерала—какая причина понуждаетъ меня къ сему? Депрерадовичъ неизвѣстно что отвѣчалъ на сіе, но просьба моя была изорвана государемъ. Все сіе сказывалъ мнѣ уже послѣ Иванъ Александровичъ Вельяминовъ, который не зналъ даже какъ я подавалъ просьбу (столь я былъ увѣренъ въ благорасположеніи своихъ товарищей) и узнавъ уже о всемъ тогда, когда я назначенъ уже былъ къ выпуску.

Депрерадовичъ съ своей стороны, желая очистить вакансію племяннику своему Трубчанинову, при первомъ свиданіи со мною, не сказавъ мнѣ ничего о разговорѣ государя, сказалъ только: „напишите другую просьбу, та не годилась“; я, ничего не вѣдая, написалъ вторично оную и подалъ сему генералу, который, представя вторично сіе государю, сказалъ, что я неотступно прошусь въ армію; государь въ досадѣ на мое упрямство, брося просьбу, сказалъ: „пусть идетъ!“—И такъ я выпущенъ былъ въ началѣ Апрѣля 1802-го года въ Нашенбургскій мушкетерскій полкъ поручикомъ; откланиваясь государю вмѣстѣ съ другими въ Зимнемъ дворцѣ при моемъ отъѣздѣ, я слышалъ слова государя, сказанныя мнѣ и подтвердившія все слышанное мною отъ Вельяминава, но дѣлать уже было нечего! Проходя насъ, государь, остановясь противъ меня, сказалъ: „ты хотѣлъ служить въ арміи. Желаю тебѣ счастья!“ Жребій мой былъ брошенъ, говорить было нечего да я и не смѣлъ сказать, а только молча низко поклонился сему милостивому ко мнѣ государю и скрылся навсегда изъ чертоговъ царскихъ, будучи вытѣсненъ изъ оныхъ зложелательствомъ друзей и жестокосердіемъ своего начальника. Но злоба ихъ не восторжествовала, и государь, выгнавъ вскорѣ изъ полка Боборыкиныхъ, Кожина и другихъ моихъ совѣтниковъ, отказалъ рѣшительно Депрерадовичу въ производствѣ въ офицеры племянника его юнкера Трубчанинова, который и принужденъ былъ выйти въ армію.

По выпускѣ моемъ я переѣхалъ изъ полка въ домъ знакомаго мнѣ придворнаго зельбельдинера почтеннаго старца Иванова, жившаго во второй Мѣщанской при входѣ въ оную со стороны Фонтанки, на правой рукѣ въ третьемъ каменномъ домѣ; здѣсь я провелъ празднигъ Пасхи, какъ бы у родныхъ своихъ и отправился Апрѣля 26-го дня отъ нихъ въ Москву, гдѣ стоялъ тогда полкъ, въ который я былъ выпущенъ. Такимъ образомъ я оставилъ пышную столицу сѣвера, проживя въ ней счастливо и мирно 4 года и 9 мѣсяцевъ. Счастливо! ибо я былъ любимъ своимъ государемъ и справедливыми начальниками, наслаждался настоящимъ и не думая о будущемъ и любя всѣхъ своихъ товарищей, я не зналъ ни зависти, ни злобы; мирно, ибо если я и вовлеченъ (былъ) въ нѣкоторые пороки (которые, къ несчастью, нынѣ уже не считаются таковыми), то невинное сердце мое не участвовало въ оныхъ, бывъ чуждо разврата и думая превратно по своему невѣдѣнію и непросвѣщенію.

Бѣжавъ въ Москву, я любовался древностію Новгорода и быстротою мутнаго Волхова, вспоминая прошедшія событія на берегахъ его

происходившія; Тверь, прелестнѣйшій изъ городовъ губернскихъ съ чистыми и широкими своими улицами съ пространными площадями и съ величественной Волгой, матерью рѣкъ російскихъ, восхищала взоръ мой! Имѣя въ рукахъ дорожникъ или описаніе тракта между столицами, я искалъ мысленно дворца Ярославля, и не видя даже и слѣдовъ его, сожалѣлъ о краткости всего подлуннаго. Пріѣхавъ въ древнюю нашу столицу, можно сказать, колыбель моего младенчества, куда ѣзжалъ я или, лучше, сопровождалъ моихъ родителей ежегодно, вспоминалъ то время, когда мое счастье, все удовольствіе составляли нѣсколько блиновъ изъ блинни принесенныхъ... О, время блаженное! время невинности и полноты радости сердечныя! куда сокрылось ты толико скоро?

По пріѣздѣ моемъ я нашелъ здѣсь мою мать, ожидавшую уже лошадей для сѣзда въ свои деревни и вскорѣ, явясь въ полкъ, началъ свою службу во ономъ. Лѣтомъ я выходилъ въ лагерь на такъ называемой Ходынкѣ, вмѣщавшей сверхъ того полка, въ которомъ служилъ я, полки Астраханскій и Авагинскій, гдѣ и смотрѣлъ насъ генераль-лейтенантъ Ферстеръ. Придя въ Москву обратно, я чувствовалъ болѣзнь мою усиливавшуюся, но стыдился сказать о ней кому либо; въ сіе время пріѣхалъ ко мнѣ и старшій, теперь уже покойный, братъ мой Николай и убѣждалъ меня идти въ отставку, представляя, что отецъ нашъ старъ, имѣніе расхищается и разныя еще разности; страдая тѣлесно, я и самъ видѣлъ, что въ томъ положеніи служить я не могъ, а характера отца своего коротко я не зналъ, отдѣлясь отъ него службою въ моей юности, и такъ я рѣшился идти въ отставку, не предвидя всей моей гибели съ оной сопряженной.

Глава XVI.

ВѢДСТВІЯ.

Въ сентябрѣ 1802 года я пріѣхалъ къ отцу моему въ деревню Есенокъ Епифанскаго уѣзда, гдѣ онъ всегдашнее имѣлъ пребываніе; отецъ мой, не спрося что понудило меня выйти въ такія лѣта въ отставку, отвелъ для моего жительства свою баню. Помѣстясь въ семь убогомъ и отдаленномъ отъ дома его жилищѣ и не имѣя платья, во чтобы одѣться, я проводилъ время, играя съ отцомъ моимъ въ игру, называемую тентеръ, и не видя никого изъ сосѣдей кромѣ двоюроднаго брата моего Павла Александровича, ожидалъ своихъ именинъ, въ которыя надѣялся я получить въ подарокъ деньги, нужныя мнѣ на платье, ибо мундировъ носить я не могъ, и имѣлъ только одинъ сюртукъ, купленный мною въ Москвѣ.

Наступили мои ожидаемыя именины, и я получилъ въ подарокъ пять рублей!—Что мнѣ было дѣлать? просить я не смѣлъ, ибо отецъ мой былъ весьма серьезный человѣкъ, а самъ онъ и не спросилъ меня, есть ли у меня во что одѣться, и такъ мнѣ оставалось терпѣть. Я преиду молчаніемъ всѣ горести, претерпѣнныя мною въ теченіе 3-хъ или 4-хъ мѣсяцевъ, горести, каковыхъ, думаю, ни одинъ еще сынъ не переносилъ отъ отца своего, скажу только, что онъ искалъ случая, чтобы оскорбить меня, и имя мое было—Михей, въ насмѣшку мнѣ имъ данное, но—вскорѣ я долженъ былъ испытать бѣдствіе еще сильнѣйшее. Въ декабрѣ отецъ мой, будучи горячаго сложенія и бывъ направленъ къ тому окружавшими его особами, наказалъ жестоко одного своего человѣка, который вскорѣ отъ сего и умеръ. Судъ пріѣхалъ и хотя отецъ мой и дорого заплатилъ, но умершаго похоронили. Вскорѣ одинъ изъ родственниковъ отца моего донесъ губернатору, прислано было переслѣдовать, нашли все чего искали, и отца моего взяли въ городъ судить уголовнымъ судомъ. Въ сіе дѣло, вовсе для меня постороннее, вовлекли наконецъ и меня! Отца моего оправдали, а меня—обвиня, отдали суду!! О люди!—Но умолчимъ о страстяхъ ихъ, ибо сіе бѣдствіе послано было въ наказаніе и исправленіе меня! Одно удивительно, гдѣ были тогда правосудіе и истина? Но таковы были и всегда будутъ люди, не имѣющіе вѣры и чести; я былъ тогда 17 лѣтъ, не зналъ законовъ, не зналъ что такое судъ и не имѣлъ ни объ чемъ понятія, что только нужно для человѣка, итакъ мудрено ли было хитрому ябеднику секретарю Жданову утрашить, смѣшать и заставить (меня) говорить то, чего я и не вѣдалъ! Но какъ бы то ни было, а меня неестественное сіе судилище послало въ Тулу въ уголовную палату, при входѣ въ которую я затрясся! Одинъ, бывший тогда благодѣтельный судья, фамиліи котораго я не знаю, подойдя ко мнѣ, началъ меня вѣжливо успокаивать и видя мою молодость, разсмотря дѣло меня оправдалъ и отпустилъ меня къ осени 1803-го года домой въ Есенокъ. Въ теченіи же лѣта 1803-го года, когда меня держали въ Тулѣ, одинъ благодѣтельный израильтянинъ вылѣчилъ совершенно тяжкую болѣзнь мою, и я, пройдя степени возможнаго испытанія душевнаго, получилъ тѣлесное обновленіе.

Слѣдствіемъ моего оправданія естественно было обвиненіе отца моего, такъ то сплели сіе мерзостное дѣло судии злочестивые, но отецъ мой не дождался конца сего дѣла и по болѣзни, болѣе трехъ мѣсяцевъ продолжавшейся, скончался 29-го сентября 1803-го года. Я былъ при кончинѣ родителя моего и показалъ ему слезами моими и услугами, что я былъ сынъ не недостойный его милостей.

Глава XVII.

Гоненія и обиды.

Вскорѣ послѣ кончины отца моего пріѣхала въ Есенокъ и мать моя, жительствовавшая въ своихъ деревняхъ Тамбовской губерніи Шацкого уѣзда, въ селахъ Подосенкахъ и Кортыринѣ, куда удалилась она съ 1795-го года.

По пріѣздѣ ея, мы, отдавъ послѣдній долгъ браннымъ остаткамъ родителя моего, поѣхали съ нею въ Тулу, гдѣ и прожилъ я до начала 1804-го года, когда поѣхалъ въ Богородицкъ къ знаменитому тогда и благодѣтельному врачу Бентону, желая чтобы онъ своимъ искусствомъ очистилъ всѣ остатки бывшей моей болѣзни, въ предупрежденіе какихъ либо послѣдствій отъ сильныхъ средствъ перваго моего лѣкаря; добрый Бентонъ пользовалъ меня болѣе двухъ мѣсяцевъ декоктомъ изъ сальца-порей, и я получилъ возвратно прежнее хорошее мое, благодаря Господа силъ, здоровье. По окончаніи сего лѣченія я возвратился домой, въ Тулу гдѣ и жилъ при моей матери, а лѣтомъ пріѣхали мы въ Есенокъ, гдѣ старшіе мои братья начали просить мать о раздѣлѣ отцовскаго имѣнія, видя что и небольшое сіе достояніе, обремененное долгами, должно погибнуть отъ роскошной городской жизни. Требованіе сіе, впрочемъ справедливое (и основанное на тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда одинъ сынъ Иванъ получилъ въ свое владѣніе отъ матери 120 душъ ея имѣнія потому только, что былъ сыномъ любимымъ), толико раздражило мать мою, что она, забывъ свою священную обязанность попеченія о дѣтяхъ, обязанность вложенную въ сердца родителей Богомъ и природою, подала въ судъ просьбу, требуя отъ онаго раздѣла и предавая такимъ образомъ судьбу дѣтей своихъ въ руки мздоимцевъ и крючковъ. Тогда открылись столь постыдныя интриги въ семействѣ нашемъ, что стыдно и говорить о нихъ. Однимъ словомъ Иванъ братъ мой потерялъ въ сіе время 120 душъ, переданныхъ матерью сестрамъ моимъ и это было съ одной стороны справедливо, но съ другой и я подпавъ подъ общій расчетъ, былъ обобранъ до чиста, получа на свою часть изъ имѣнія отца моего плохихъ крестьянъ, плохія земли, дурной скоть, ни зерна хлѣба и къ увѣнчанію сего примѣрнаго милосердія выгнанъ я былъ въ суровую зиму изъ дома родительскаго, а скоть мнѣ доставшійся распуценъ по полямъ, гдѣ онъ и подохъ отъ стужи и голода! Видно тогда мало занимались симъ свя-

тѣйшимъ изреченіемъ: „*блженъ человекъ, который и скотовъ своихъ милуетъ!*“! тогда только и знали, когда надо служить всеобщныя и молебны, не заботясь о томъ, что воля Всемилосердаго требуетъ милости, а не жертвы: „*милости хочу, а не жертвы!*“

Скотъ мой померъ, какъ сказано выше, а меня взялъ къ себѣ на зиму сосѣдъ нашъ Николай Васильевичъ Григоровъ, жившій тогда въ селѣ Троицкомъ, у котораго я и прожилъ всю зиму до лѣта 1805-го года, когда переѣхалъ въ Красное, гдѣ и помѣстился въ плетеномъ сараѣ, въ который ссыпали при отцѣ моемъ мякину; здѣсь получая пособіе въ хлѣбъ отъ благодѣтельной, хотя и небогатой, помѣщицы Надежды Васильевны Торбеевой жилъ я до уборки съ полей хлѣба. Убирая съ полей хлѣбъ и видя малое онаго количество по, малочисленности земли, я рѣшился идти въ службу, чувствуя теперь себя въ силахъ, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, къ тому же видя, что, живучи дома и не имѣя ни малѣйшей постройки я долженъ былъ жить совершенно по крестьянски, почему, убравши хлѣбъ я поѣхалъ къ матери моей испросить ея благословеніе на сіе рѣшеніе мое. Прибывъ къ ней, я повергся къ ногамъ ея просилъ умилосердиться надо мной и благословить меня на службу, въ надеждѣ въ оной найти свое счастье; мать моя послѣ краткаго молчанія благословила мое намѣреніе, и я въ ноябрѣ 1805-го года выѣхалъ отъ ней для собранія за хлѣбъ свой, хотя небольшого количества денегъ, чтобы имѣть возможность исполнить свое намѣреніе. Вслѣдствіе малаго числа набранныхъ мною денегъ за хлѣбъ, я принужденъ былъ за совершенный безцѣнокъ продать лѣсъ въ Порѣчѣ, мнѣ доставшійся, и сверхъ сего получа небольшой оброкъ съ 4 тяголъ Порѣченскихъ, собралъ я такимъ образомъ, рублей до 500. Теперь, не имѣя ни единого въ услугахъ у себя лакея, ибо мнѣ никого изъ многочисленной дворни отца моего не дали, я началъ кое какъ одѣваться и шить платья для одного глупаго мальчишки, взятаго мною по необходимости на дорожныя прислуги, устроя себя самымъ умереннымъ образомъ для дороги. Въ началѣ января 1806-го года я взялъ въ Тулу подорожную до Новогрудки Литовско-Гродненской губерніи, въ которой формировалъ тогда старшій братъ мой Алексѣй новый Могилевскій пѣхотный полкъ, и котораго я заранѣе извѣстилъ о семъ моемъ намѣреніи на счетъ вступленія въ службу.

Всемогущій Богъ!—Онъ благословилъ мое намѣреніе и за претерпѣнныя мною несправедливости и притѣсненія отъ родныхъ и чужихъ воздалъ мнѣ стократно, да будетъ же благословенъ Всемилосердный

Отецъ челоѣковъ, и среди бѣдствій и преступленій нашихъ насъ не оставляющій; блаженъ челоѣкъ, уповающій на Него!

Мы увидимъ въ послѣдствіи моей жизни щедро изліянныя на меня благотворенія отъ Господа! увидимъ, что безъ несправедливости людей, желавшихъ исключить меня изъ числа живыхъ, я не удостоился бы тѣхъ наградъ, въ которыхъ опередилъ всѣхъ родныхъ моихъ, желавшихъ зла мнѣ, увидимъ чудесное сщѣпленіе обстоятельствъ, чрезъ которые они было вкусили плода отъ своихъ жестокостей и были сами достойны всякаго сожалѣнія. Но мы извлечемъ изъ сего перваго періода моей жизни то, что можетъ послужить къ нашему наученію—и, во первыхъ, мы видимъ несчастнаго отца моего не исполнившаго священнѣйшей обязанности въ отношеніи къ дѣтямъ его, и получившаго за то строгое наказаніе при концѣ своей жизни, ибо быть судимымъ въ преклонныхъ лѣтахъ судомъ уголовныхъ—не есть ли послѣдняя черта безчестія для челоѣка, который гордился своими достоинствами. Но если бѣ отецъ мой, памятуя священный долгъ свой, употребилъ всего себя для наученія добронравію и истинному богопочитанію дѣтей своихъ, тогда бы сколькихъ страстей избѣгъ онъ, преодолевая себя (для) духовной пользы дѣтей своихъ! Но всему корень вино! Ахъ, устранимся сего гибельнаго для рода челоѣческаго порока, оно то потемняетъ разумъ и истребляетъ самую совѣсть! Святой апостоль Павелъ былъ безъ сомнѣнія мудрѣйшій и опытнѣйшій изъ людей, но онъ предостерегая насъ сказалъ: „не упивайтесь виномъ, въ которомъ есть блудъ и нечистота!“ И по истинѣ коликихъ бѣдствій для духа и тѣла не производитъ сія пагубная страсть? вино и карты суть гибель семейственнаго счастья, уваженія и любви.

Примѣръ мой да послужитъ также урокомъ въ отношеніи къ пылкимъ страстямъ и излишней довѣренности, которыя бывають намъ гибельны! будемъ просить Бога: „руководи насъ на путь мира и избави насъ отъ клеветы челоѣческаія и сохрани насъ въ заповѣдяхъ Твоихъ!“ Но самымъ лучшимъ да будутъ намъ въ семъ періодѣ урокомъ корыстолюбія или желаніе богатства, которымъ нарушены всѣ святѣйшія узы крови и любви христіанской при нашемъ раздѣлѣ, хотя я всего и многого еще не сказалъ, щадя лица теперь уже не существующія; мы видимъ до чего можетъ довести челоѣка христіанина пагубное сребролюбіе, ядъ общества, убійственное орудіе всѣхъ добродѣтелей и гвѣздо грѣха! Да будетъ всегда не изгладимъ въ сердцѣ нашемъ глаголь вѣчной истины: „не можете служить Богу и богатству!“—Видите, что

служеніе богатству дѣлаетъ насъ неспособными служить Всемогущему, а, будучи неспособными внимать гласу Его въ сердцахъ нашихъ, что мы будемъ? Язвою общества во времени, и сынами погибели въ вѣчности!

О, любезнѣйшія дѣти мои, будьте трезвы, некорыстолюбивы и чисты сердцемъ, и благодать Божія да почиетъ надъ вами!

